
ЛЕОН КЕЙН
СУДЬБА ПРИНЦЕССЫ ХОРАДА
АННА КОРОЛЬ

Анна Король

Леон Кейн: судьба принцессы Хорада

«Автор»
2026

Король А.

Леон Кейн: судьба принцессы Хорада / А. Король — «Автор», 2026

После очередного задания спецагент Леон Кейн оказывается под чужим небом. Здесь два солнца, эльфы и магия, а связи с Землёй больше нет.Ему предстоит разобраться, куда он попал и с чем имеет дело. Среди новых знакомых — Элиана, принцесса Хорада. Пока Леон не знает, кому здесь можно доверять, какие опасности ждут впереди и есть ли путь обратно.

© Король А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний день на Земле 5
Глава 2. Под чужим небом 15
Глава 3. Верхняя переправа 26
Глава 4. След переправы 36
Глава 5. Королевский груз 47
Гл 58
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Анна Король
Леон Кейн: судьба принцессы Хорада

Глава 1. Последний день на Земле

Официант спросил, оставить ли второй бокал.

Я посмотрел на него, потом на пустое кресло напротив. Стол накрыли на двоих; администратор, видимо, решил, что гость, снявший такой номер, обязательно кого-нибудь приведёт.

— Уберите, — сказал я. — И принесите кофе.

Внизу, за ограждением террасы, покачивались огни яхт. Ветер с воды шевелил скатерть и доносил запах соли. За соседним столом девушка пыталась согреть руки в ладонях своего спутника. Он что-то говорил ей, наклонившись совсем близко, и она смеялась. Я отвёл взгляд, когда на столе загорелся телефон.

На счёт поступил аванс.

Я открыл сообщение, проверил сумму и задержал палец над экраном. Внизу мелким шрифтом предлагали связаться с личным консультантом. Наверное, он охотно рассказал бы, куда вложить деньги, какую собственность приобрести и как обеспечить себе беззаботное будущее. С будущим у меня всегда выходила заминка. Дальше даты очередного вылета оно почему-то не простиралось.

Кофе принесли в тяжёлой белой чашке. Я поблагодарил официанта и вдруг вспомнил алюминиевую кружку с продавленным боком. Первым вечером в училище она никак не хотела отмываться. Я тёр её под краном, пока дежурный не велел выключить воду. Потом долго стоял посреди чужой спальни с мокрыми рукавами и не знал, какую из одинаковых кроватей мне занять.

Отец к тому времени уже уехал. На прощание он поправил мне воротник, хотя форма была велика и от этого лучше не села. Мать осталась в машине. Я видел её профиль сквозь опущенное стекло; она повернулась, когда отец хлопнул дверцей, и что-то ему сказала. Машина тронулась. Я успел поднять руку, но они уже смотрели на дорогу.

Родители больше не приезжали. К телефону меня тоже не вызывали. Постепенно я перестал прислушиваться, когда дежурный зачитывал фамилии тех, кому разрешили выйти на проходную. Научился быстро есть, спать при свете и собираться по команде. Каждое утро мне говорили, что делать, до самого отбоя.

Вспомнилась дорога между выжженными холмами, запах горячей резины, песок на зубах. Я лежал за колесом перевёрнутой машины и ждал, когда напарник закончит передачу по рации. Это был один из первых контрактов после армии. За него мне заплатили вдвое больше обещанного. Следующий я подписал ещё до того, как из ладоней вышли все осколки.

В закрытую программу меня отобрали после первых контрактов. Оттуда помнился длинный стол с лампами: я сидел над расчётами ещё в мокрой форме, а по листу стекала вода с рукава. Преподаватель возвращал мне чертёж, пока я не находил ошибку. За стеной работала вытяжка химической лаборатории. Утром нас ждал полигон; потом снова расчёты, механизмы, вскрытые приборы. Так прошли несколько лет.

На деньги с тех контрактов можно было купить дом. На нынешние можно было купить улицу. Я расплачивался, подписывал бумаги, менял билеты и летел дальше. До следующего задания обычно оставалось ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы выспаться и залечить раны. Такая жизнь давно стала привычной. О том, какой могла быть другая, я почти не думал.

За соседним столом расплачивались. Мужчина накинул девушке на плечи свой пиджак. Она поправила ему воротник, что-то сказала, и они пошли к выходу, держась за руки. Я проводил их взглядом.

У меня тоже оставались чужие ключи. Один однажды перестал подходить к двери. Тогда я обещал вернуться через неделю. Вернулся гораздо позже и нашёл чемодан у консьержа. Мне даже не пришлось звонить наверх.

Я не мог рассказать, куда уезжал и почему задержался. В следующий раз было бы то же самое: звонок, короткое обещание вернуться и исчезновение, которому нет объяснения. До сих пор меня это устраивало. Сейчас, глядя на пустой соседний стол, я впервые попробовал представить, что кто-то будет ждать меня дома. Захотелось возвращаться к одной и той же двери, знать, что происходит в жизни за ней, успевать быть рядом.

Денег хватало. Со службы так просто не уходили. Я знал слишком много имён, слишком часто видел то, чему полагалось оставаться за закрытыми дверями. Вернуть оружие, пообещать молчать и начать другую жизнь мне бы не позволили. Даже на этой террасе, среди огней яхт и накрытых столов, телефон должен был оставаться включённым.

Он снова осветил скатерть.

«Подтвердите готовность».

Я отправил подтверждение и поставил чашку на блюдце.

Звонок поступил сразу.

— Изменения? — спросил я.

— Предмет находится в нижнем исследовательском блоке. Сегодня ночью они начнут его перемещать.

Я откинулся в кресле. Под рубашкой потянуло старый шрам у плеча.

— Охрана?

— Усилена. На объект прибыла ещё одна группа.

— Третья группа. Принял.

— Леон, предмет должен покинуть лабораторию сегодня. Любой ценой.

На другом конце заговорили о последствиях. Если исследования завершатся, под угрозой окажется многое. Подробности оставили за пределами разговора, упомянув только спокойствие человечества.

Я открыл схему комплекса. Третья группа могла перекрыть оба служебных выхода. Следовало проверить грузовой двор и оставить запасной путь через нижнюю стоянку. Пока голос в трубке продолжал объяснять важность задания, я увеличил нужный участок плана.

— Всё, что нужно для вывоза, останется в силе? — спросил я.

— Машина и точка встречи прежние. Снаружи вам никто помочь не сможет.

— Уже понял.

— Предмет целиком. Без него не уходите.

Я закончил разговор, допил кофе и поднялся в номер. По дороге сверил время. На подготовку хватало.

На кровати лежала раскрытая сумка. Я вынул из неё компактный спутниковый телефон, включил и дождался соединения у окна. Проверил запасной номер, заряд, убрал аппарат во внутреннее отделение. Рядом я положил аптечку. Последним я взял пистолет.

Я проверил оружие, стараясь не задеть манжетой влажный край раковины. Рядом лежал пропуск инженера, вызванного на объект. Я поднял его к зеркалу и ещё раз сравнил фотографию со своим отражением. У нас были короткие тёмные волосы, прямой нос и похожие лица с чётко очерченными скулами. Цвет глаз различался: у инженера карие, у меня серые. На маленькой фотографии разница почти не бросалась в глаза, но при долгой проверке могла привлечь внимание.

В данных на пропуске значились рост и вес: сто семьдесят шесть сантиметров и восемьдесят пять килограммов. Я был на десять сантиметров выше и весил около девяноста. Когда я забирал пропуск, инженер показался мне заметно уже в плечах. Судя по его рукам, работать с инструментами он умел, но вряд ли проводил столько же времени на тренировках, сколько я.

Я снял рубашку. В зеркале отразились высокая фигура, широкие плечи и крепкие руки. У плеча белел старый шрам. Я надел лёгкий бронежилет и поправил его, проверяя, не мешает ли он двигаться. Под чёрной курткой разница в сложении была не так заметна. Главное, чтобы охрана не решила сверить рост по пропуску.

В отражении за моей спиной остался край смятой постели; на столике рядом стояла нетронутая корзина фруктов. Я затянул перчатки и убрал гостиничный ключ в отдельный карман сумки.

***

К лаборатории я подошёл со стороны грузового двора.

С дороги комплекс выглядел частным исследовательским центром: светлые корпуса, стеклянный переход, аккуратные деревья вдоль ограды. Вокруг нижнего блока деревья вырубили. Под белым светом прожекторов блестела мокрая полоса земли, дальше шли две линии заграждений. Камеры на углах корпусов поворачивались независимо друг от друга.

Дождь начался, когда я ещё ехал сюда. Теперь вода стекала за воротник куртки. На груди висел пропуск инженера, вызванного проверить оборудование. Его лицо было достаточно похоже на моё, пока никто не ставил нас рядом. Сам он спал в гостинице далеко отсюда и проснулся бы нескоро.

Обычная охрана оставалась у въезда. За внутренним ограждением патрулировали наёмники в одинаковых непромокаемых накидках, под которыми угадывались бронежилеты. У одного на ремне висела короткая винтовка с потёртым прикладом. Другой, остановившись под фонарём, открыл пачку сигарет зубами: пальцы правой руки были перебинтованы. Я уже сталкивался с бойцами этой компании. Они дорого стоили и редко сдавали то, что им поручали охранять.

У служебного входа задержали двух сотрудников. Их сумки раскрыли на столе, пропуска унесли за стекло. Один из охранников держал винтовку так, чтобы обоим было видно её дуло. Его напарник заставил старшего снять очки и посмотреть в камеру. Проверка продолжалась даже после того, как за ними пришёл сотрудник лаборатории.

Я сорвал пропуск с куртки и убрал в карман. Вместе с ним пришлось убрать и тот путь, на который я рассчитывал.

До стены я добирался почти полчаса. Лежал в стекавшей с крыши воде, пока над головой проходил патруль, ждал, прижавшись к холодной опоре, пока от меня отвернётся камера. У служебного корпуса работал подъёмник; когда он поднял к крыше закрытую платформу с оборудованием, я уже держался за её внешнюю раму. Наверху пришлось спрыгнуть, прежде чем меня увидит техник на приёмной площадке.

Я ударился локтем о крышу, перекатился за вентиляционный короб и замер. Над оградой ещё раз прошёл свет. Техник у подъёмника окликнул кого-то, получил ответ и занялся платформой.

Дальше началась теснота технического этажа, горячие трубы под ладонями и дрожь работающих вентиляторов. Когда я выбрался в боковой коридор, из соседнего помещения доносилась ругань. Кто-то требовал, чтобы подачу воздуха восстановили до утра. Я переждал у двери, пропустил мимо двух сотрудников с тележкой и свернул за поворот.

Здесь начиналась та часть здания, которую на присланном плане обозначили серым прямоугольником.

Я остановился у ограждения лестницы.

Подо мной уходили вниз три пролёта. На ближайшей площадке сидел охранник. У двери дежурил его напарник. Из-за стекла на нижнем уровне лился синий свет. Вдоль стены тянулись новые кабели, на бетоне белели свежие отверстия под крепления. Старые планы годились теперь разве что для знакомства с наружными размерами здания.

Я убрал их с экрана и стал смотреть.

Охранник у двери спустился с пустым стаканчиком в руке. Сидевший проводил его взглядом, потёр переносицу и наклонился к телефону. Лестница оставалась открытой, простреливаемой сверху и снизу; идти по ней с чужим пропуском было бы уже совсем другой просьбой к удаче.

Я отступил в тень. За тонкой стеной гудело оборудование. Возле потолка шёл узкий технический мостик, продолжавшийся за поворотом. На плане его не было.

Когда я добрался до нижнего блока, ладонь саднило от сорвавшегося крепления, а из рукава текла вода. Под решётчатым настилом мерно вращался вентилятор. Я пролежал над ним несколько минут, пока наёмники внизу не закончили спор о смене и не разошлись. У освещённой двери остался охранник с винтовкой.

Я опустился за его спиной.

Он услышал меня, когда мои ноги уже коснулись пола. Успел начать разворот, но поднять винтовку я ему не дал. Мы ударились о стену; он рванул локтем назад, попал мне под рёбра и попытался крикнуть. Я прижал его лицо к собственному плечу и удерживал, пока он не обмяк. Тело оказалось тяжёлым. Пришлось спуститься с ним на колено, чтобы не уронить на бетон.

За дверью продолжали говорить. Голоса были спокойными.

Я забрал пропуск, передвинул наёмника за шкаф и вернулся к двери. Небольшое оконце позволяло видеть часть помещения. У центрального стола стоял исследователь в защитных очках, двое его коллег смотрели на экран. Дальше отражались в стекле ещё две вооружённые фигуры.

Предмет находился между ними.

Я узнал его сразу, хотя на снимках он выглядел меньше. Изогнутая пластина с каменной сердцевиной висела внутри разомкнутой металлической оправы. От неё к стойкам расходились тонкие держатели; под столом стоял ящик со снятыми деталями внешней оболочки. За стеклом в соседней комнате оставался ещё один пост охраны.

Я приложил пропуск. Замок щёлкнул.

Ближайший охранник посмотрел на дверь и нахмурился. Его взгляд задержался у меня на лице, затем опустился к пустым рукам.

— Где…

Я выстрелил, прежде чем он договорил.

Охранник в глубине комнаты начал поднимать винтовку. Я оказался за стойкой с приборами, когда его очередь прошла сквозь дверное стекло. Осколки посыпались на спину. Исследователь в очках упал под стол, остальные бросились в стороны. Я поймал охранника в просвет между стойками и нажал на спуск.

Он исчез из просвета. За стеной завыла тревога.

Красная полоса загорелась над дверью. Я перебежал к столу, и справа ударили снова. Из соседней комнаты сквозь лопнувшую перегородку стрелял ещё один охранник. Пуля вырвала кусок из края стола у моего лица. Я упал на бок, перекатился под прикрытие металлической тумбы и ответил.

Исследователь отползал от меня, скользя ладонями по осколкам.

— Как снять? — спросил я.

Он смотрел на пистолет.

— Как снять предмет?

— Фиксаторы. На ободе. Не камень… Не трогайте камень.

Со стороны коридора затопали. Я выстрелил в сторону соседнего поста, вынудив стрелка отступить от стекла, и поднялся к оправе. Она была раскрыта; похоже, последние крепления только что сняли для перевозки. Я освободил пластину. Внутри камня дрогнула белая черта.

На секунду она показалась глубже самого камня. Я видел похожее, когда смотрел с мостика на освещённое дно бассейна: глаз упорно помещал свет дальше, чем ему полагалось быть. Сейчас разбираться с этим было некогда.

Я сунул предмет в жёсткий футляр из сумки и захлопнул крышку.

Тяжёлая створка начала спускаться поперёк выхода.

Я бросился к двери. Наёмник загородил проход и вскинул винтовку к плечу. За его спиной показался напарник. Я толкнул ствол вверх. Выстрелы ударили в потолок. Я врезал ему лбом в лицо, перехватил оружие и потянул на себя, разворачивая наёмника поперёк прохода.

Из-за его плеча выскочил напарник, пытаясь проскользнуть мимо. Я выстрелил ему в грудь почти в упор, затем ударил рукоятью пистолета наёмника, чью винтовку удерживал. Ремень выскользнул из ослабевших пальцев. Створка опустилась до плеч. Я проскользнул под ней вместе с винтовкой, зацепив сумкой нижний край.

На той стороне по металлу сразу забили пули.

Я стоял в низком коридоре и дышал открытым ртом. С губы капало на рукав. Воздух пах пылью и разогретой краской. Я проверил захваченную винтовку, подогнал ремень и рванул дальше.

Забрать предмет оказалось возможно. Теперь оставалось выйти с ним из здания, где каждая дверь уже работала против меня.

***

До лестницы я не дошёл.

За поворотом щёлкнул замок, и узкая полоса света разрезала пол. Я прижался к стене. В проёме появился боец со щитом; за его плечом показался ствол винтовки. Они двигались быстро, закрывая коридор целиком. Оставаться здесь мне позволяли ещё несколько шагов.

Я дал очередь над верхним краем щита и ударил плечом в боковую дверь. Она подалась, и я ввалился в помещение с низким потолком. За спиной сразу загрохотало. Пули прошили перегородку и выбили из стены куски штукатурки. Я перебрался через трубы, опустился за бетонную опору и посмотрел на противоположную дверь.

Над ней горела зелёная табличка. Пока что.

Я добрался до выхода раньше, чем табличка сменила цвет. В узком проходе за дверью стоял сотрудник в белом халате с телефоном у уха. При виде меня он замер. Я отодвинул его с дороги и захлопнул дверь.

— Уходи отсюда.

Он побежал, не оглядываясь.

Выход к служебной лестнице уже перекрыли. Сквозь стекло я увидел направленные на площадку стволы. Первый выстрел выбил передо мной стекло. Я упал на колено, ответил короткой очередью и, пока они отступали от проёма, ушёл по пандусу к подземной стоянке. Где-то наверху один за другим закрывались затворы; глухие удары отдавались в перекрытиях.

Телефон завибрировал в кармане. Я включил связь, не останавливаясь.

— Предмет у меня.

— Почему сработала тревога?

— В нижнем блоке бой. Северный выезд перекрыт. Мне нужен другой путь.

Я уже видел это через решёткунад пандусом: возле ограды стояли два броневика. Между ними выстроились наёмники с винтовками. В стороне замерла та самая машина, на которой я должен был уехать. Её водительскую дверь оставили открытой.

На стоянке взревел двигатель. По бетону скользнули фары, и я пригнулся за бампером.

— Леон, слушайте. Комплекс передал запрос государственной безопасности. Дороги к порту перекрывают. Вы можете уйти к западной развязке?

— Когда выберусь из здания, сообщу.

Я оборвал разговор.

В нескольких шагах от меня остановился тяжёлый внедорожник. Из машины вышли вооружённые люди и направились к пандусу. Водитель остался за рулём. Я дождался, когда ушедшие скроются за рядом припаркованных машин, выпрямился и направил винтовку через лобовое стекло.

Водитель увидел меня и потянулся к оружию на соседнем сиденье.

После выстрелов фары ещё горели. Я открыл дверь, вытащил его на бетон и втиснулся за руль. Не успел захлопнуть, когда по кузову ударили сзади. Боковое стекло лопнуло у лица. Я вдавил педаль и вывел машину из ряда, задев крылом стойку.

У выхода боец со щитом успел повернуться. Я направил машину прямо на него. Он прыгнул за опору, и над моей головой треснуло стекло. Ворота пошли вверх, пропуская следующую машину охраны; я проскочил под ними, ударившись крышей о нижний край.

Снаружи хлестнул дождь.

Внедорожник понесло на мокром повороте. Я выровнял его возле ограды и увидел впереди перекрытый проезд. Между бетонными блоками оставался просвет для одной машины. Наёмник у него уже опускал шлагбаум.

Я не стал тормозить.

Удар прошёл по рулю. Обломок полосатой балки перевалился через капот, на миг заслонив дорогу. Охранники отскочили за бетонные блоки. Короткая очередь прошла по борту, и что-то горячее чиркнуло меня над левой бровью.

Я вылетел на дорогу с разбитой фарой и ещё пригодным для обзора лобовым стеклом. В зеркале зажглись два белых пятна.

Справа в грудь упирался жёсткий футляр. Даже сквозь куртку от него шло тепло. Я дёрнул лямку сумки, отодвинул её от рёбер и прибавил скорость.

Первые минуты мне удавалось держать расстояние. Машина была тяжёлой, но двигатель тянул хорошо. На крутых поворотах задние фары преследователей исчезали из зеркала, и я успевал выиграть ещё немного. Я знал дорогу: днём проехал здесь в обе стороны. За складскими корпусами начинался спуск к городу, перед ним уходил влево старый подъездной путь к береговым сооружениям.

На спуске стояла поперёк машина с мигающими огнями.

Я сбросил скорость. За распахнутыми дверями укрывались бойцы с винтовками. Дальше дорогу перегородил второй автомобиль. Ближайший стрелок развернулся ко мне и прижал приклад к плечу.

Я ушёл влево.

Покрышки взвизгнули на стыке покрытий. Машину качнуло, плечом я ударился о дверцу. Вслед захлопали выстрелы. Ветровое стекло побелело паутиной, и пришлось наклониться, выбирая оставшийся прозрачный участок.

На телефоне вспыхнул вызов. Я ответил и бросил аппарат возле рычага передач.

— Через город не выйду.

— Мы видим. На выездах проверяют все машины. Поднята авиация. Службы обмениваются вашим изображением. Где вы?

Я назвал дорогу. В динамике зашуршало. Сзади быстро приближался свет.

— Съезд к старой переправе, — сказал голос. — Дальше можно…

Связь пропала.

Я забрал телефон с консоли, сунул в карман и снова посмотрел в зеркало. Машина за мной держалась близко, а идущая за ней отстала на поворотах. Высоко над склоном двигался ещё один огонь. Потом под ним развернулся белый луч, выхватил дождь и лёг поперёк дороги.

Я погасил оставшуюся фару и нырнул под каменный навес.

На несколько мгновений стало темно. Когда дорога вышла из-под скалы, огонь в небе был уже почти над нами. Мимо левого уха просвистело, затем ещё раз. На капоте вспухли светлые отметины. Преследовавшая машина сместилась к краю, освобождая линию огня.

Руль дёрнуло в руках.

Переднее колесо повело, машина стала заваливаться вправо. Я удержал её на середине, сбросил скорость и почти боком прошёл поворот к старой переправе. Дальше дорога сужалась и выходила на бетонный мост над ущельем.

За ним горели фары.

Сначала я увидел только свет. Потом из дождя проступили машины. Одна разворачивалась, закрывая выезд, рядом бойцы занимали позиции за бетонным ограждением. Времени вернуться на развилку уже не было. Сзади вынырнул преследователь.

Я затормозил у опоры фонаря, толкнул дверцу и бросился за бетонный выступ. Внедорожник покатился дальше, скрежеща ободом по покрытию. Очередь вошла в него как раз там, где только что была моя голова.

На бетоне под ладонью смешались вода и стеклянная крошка. Я подобрал ноги и проверил винтовку.

Пусто. Другой магазин я так и не добыл.

У задней машины открылись двери. Я убрал винтовку подальше от себя, достал пистолет и дважды выстрелил над краем укрытия. Ближайший преследователь отшатнулся и скрылся за капотом. Другой лёг у колеса.

Теперь они знали, сколько пространства я могу удержать.

Я пригнулся и проверил пистолет. Два патрона. Запасных магазинов не было. Руки работали ровно. Сердце било часто, но это не мешало слышать: двигатель справа, треск рации за дорогой, скрип подошвы по мокрому бетону. На левой брови разошлась кожа. Кровь стекала в глаз, и я вытер её рукавом.

Я держал под прицелом край капота, возле которого залёг стрелок. Справа простреливалась дорога, слева оставалось ограждение над ущельем. Я подтянул к себе сумку, освободил лямку из-под колена. Если появится выход, предмет должен остаться при мне.

Над ущельем завис вертолёт. Воздух задрожал от лопастей, дождь полетел вдоль дороги. Я прижал к бетону сумку, чтобы её не сдвинуло с колена.

Из громкоговорителя донёсся усиленный голос:

— Вы окружены! Положите оружие. Оставьте сумку и выйдите с поднятыми руками.

Я посмотрел на тёмный промежуток под ограждением. Внизу ничего не было видно. Слишком долго пришлось бы падать, чтобы это стало способом уйти.

— Оружие на землю!

Бойцы у передней машины пошли ко мне под прикрытием длинного щита. Их напарники сзади держали под прицелом край опоры. Ещё несколько шагов, и я окажусь под огнём с обеих сторон.

Я сел плотнее к выступу и поднял пистолет.

Под левой ладонью что-то щёлкнуло.

Вода на сумке стала светлой. Я сначала подумал, что луч вертолёта сдвинулся, но моя тень лежала в прежнем месте. Свет шёл изнутри. Крышка футляра разошлась; между её половинами я увидел тонкую голубую полосу.

Я потянул сумку к себе.

Через щель в футляре виднелась трава.

Она качнулась. Совсем рядом, будто можно было провести по ней пальцем. За нею тянулся светлый камень, хотя под сумкой оставался мокрый асфальт.

Я выдернул руку. В воздухе передо мной проступила ещё одна полоска того же цвета, от колена до плеча. Сквозь неё продолжали светить фары, но теперь они казались далёкими и неровными.

Наёмник за щитом остановился. Я видел, как он повернул голову к напарнику.

Затем раздался выстрел.

Я оттолкнулся от бетонной опоры, уходя в сторону. Подошва скользнула, опора ушла из-под ладони. Вместо жёсткой сумки пальцы поймали стебли, и я ударился коленом о камень.

Грохот лопастей оборвался на середине удара.

Перед лицом осталась вертикальная полоса дороги. В ней помещались часть внедорожника, край щита и стрелок, который продолжал целиться туда, где я только что сидел. По ту сторону шёл дождь. Здесь на тыльную сторону моей руки упал тёплый солнечный свет.

Я рванулся обратно.

Ладонь прошла сквозь сжавшуюся полоску. Пальцы успели ощутить холодные капли, затем перед ними оказался только воздух. Дорога свернулась в узкий блестящий край и исчезла. Сухо треснуло у меня на колене.

Я отскочил к низкой каменной стене, поднял пистолет и поводил им перед собой.

Ни машин, ни людей. Высокая трава. Деревья. Под ногами валялся раскрытый футляр.

Я всё ещё слышал вертолёт, пока не понял, что это звенит у меня в ушах.

***

Первым делом я отступил под прикрытие колонны.

Она была расколота сверху донизу. Из щели росло небольшое дерево; корни огибали камень, уходили под плиты и снова появлялись возле моих ботинок. Я упёрся в колонну спиной, проверил пространство по обе стороны и только тогда убрал пистолет в кобуру.

Перчатки пахли порохом. На колене расползалось мокрое пятно, оставшееся от дождя. На рукаве, которым я вытирал лицо, темнела кровь. Всё это осталось при мне. Мокрого бетона, машин и ночной дороги вокруг больше не было.

Я вышел из-за колонны и вернулся к месту, где упал.

Каменная площадка обрывалась невысоким бортиком. За ним склон уходил к воде. Слева стояли остатки второй колонны, между ними лежали обломки какой-то перемычки. Деревья закрывали небо. Через листья падал тёплый дневной свет.

Я присел, провёл ладонью над плитой, где видел дорогу. Потом ещё раз, выше. Стебли касались перчатки. От нагретого камня пахло сухой пылью, хотя там, откуда я пришёл, дождь лил уже несколько часов.

Сумка лежала у моих ног. Я поднял её и раскрыл футляр.

В мутной сердцевине предмета появилась глубокая трещина. Она шла от самого края, делила камень на две неравные части и заканчивалась маленьким чёрным провалом в середине. Отломившийся осколок остался во вкладыше. Я осторожно вынул его и положил рядом с пластиной.

От предмета больше не шло тепла.

Я повернул его, подождал, взял иначе. Заглянул в прорези. Через них была видна подкладка футляра. Я поднёс пластину к тому месту, где исчезла дорога, и медленно провёл перед собой.

Ничего.

Ни одного движения, которое можно было бы повторить, я не помнил. Я сидел за бетонным выступом, держал оружие и собирался стрелять. Сумка лежала под рукой. Свет появился сам.

Я завернул пластину вместе с осколком в чистую ткань и убрал в сумку. Футляр пришлось оставить раскрытым: крышку перекосило, застёжка больше не сходилась. Я затянул поверх неё ремень и застегнул наружный карман.

Теперь следовало понять, где я нахожусь.

Обычный телефон сохранил последний вызов. Я нажал на него, ещё раз, затем открыл сообщения. Сети не было. Навигация продолжала показывать последний участок дороги, но место, в котором я стоял, определить не могла.

Я проверил дату, выключил аппарат и включил снова. Пока он загружался, достал спутниковый.

Тот отозвался знакомым звуком. Экран был цел, заряд почти не изменился. Я развернул антенну и поднял телефон над собой. Он начал искать сеть.

Я подождал.

Внизу плескалась вода. Между деревьями перекликались птицы; один голос звучал протяжно, как скрип мокрого колеса. Больше ничего не происходило. Преследователи не появлялись, никто не кричал, и спина понемногу переставала ждать удара.

Телефон продолжал поиск.

Я поднялся на обломок плиты и вытянул руку выше. Листья почти не мешали видеть небо, но соединение всё равно не устанавливалось. Номер оставался недоступен. Даже на той дороге между выжженными холмами аппарат находил связь, если выбраться из машины и дать ему немного времени.

Я опустил руку и посмотрел на неподвижный экран. Два исправных телефона. Ни связи, ни координат.

На губах выступила соль. Я провёл языком по трещине, почувствовал кровь и убрал аппараты. Сейчас мне нужны были вода и место, с которого можно рассмотреть окрестности.

Я проверил себя. Под рёбрами наливался синяк, плечо ещё двигалось свободно. Рассечение над бровью оказалось неглубоким; я обработал его и прижал полоской из аптечки. Пальцы на правой ладони саднили, но сжимались. Для человека, который несколько минут назад собирался умереть за бетонным выступом, я чувствовал себя вполне сносно.

Надо было идти.

Между обломками нашлись ступени. Корни подняли некоторые из них, другие ушли под землю. Я спустился, отмечая дорогу назад, и остановился у дерева с гладким светлым стволом.

Отсюда была видна река.

Она делала широкий поворот под белыми скалами. По берегам тянулись луга, дальше начинались поля. Возле тёмной полосы леса угадывались крыши. Над одной из них медленно поднимался дым. Я задержал на нём взгляд. У дыма было достаточно простое объяснение, и сейчас мне хотелось хотя бы одного такого объяснения.

На склоне росли деревья с серебристой изнанкой листьев. Ветер перебирал кроны, и свет проходил по ним длинными волнами. Ничего похожего я не видел с моста. Там подо мной лежало узкое чёрное ущелье; над дальним краем должны были гореть огни города.

Я вышел на широкую голую плиту, выступавшую из травы. Здесь деревья расступались. Можно было увидеть всё небо и ещё раз попробовать установить связь.

Я достал спутниковый телефон. Над экраном дрогнула тень от моей руки. Она падала вправо, к краю плиты. Другая, слабее и чуть длиннее, уходила в противоположную сторону.

Я повернул кисть.

Обе тени повернулись вместе с нею.

Свет грел лицо слева, но я чувствовал его и на затылке. Я поднял голову, заслонив глаза ладонью. Над речной долиной стояло яркое белое солнце. Пришлось прищуриться. Я опустил руку, провёл ею по лицу и медленно обернулся.

За горным хребтом с другой стороны неба горело второе.

Оно было меньше, густого янтарного цвета. Между ним и первым солнцем тянулась широкая полоса голубизны с редкими облаками. Я посмотрел назад, снова на горы. Закрыл глаза, досчитал до пяти и открыл.

Оба оставались на месте.

— Какого чёрта…

Я стоял на камне с поднятой рукой. Спутниковый телефон продолжал искать сеть. Под ногами от меня расходились две тени от двух солнц.

Глава 2. Под чужим небом

Я опустил руку и сел на край плиты.

Телефон погас в ладони. Над горами по-прежнему горело янтарное солнце. Я попробовал смотреть только на него, прикрыв второе рукой, но теперь знал, что за спиной осталось ещё одно. Стоило повернуться, и весь склон освещался иначе.

Я вытер лицо. Полоска над бровью держалась, кровь больше не текла. На манжете засохли тёмные пятна, под ногтем застряла бетонная пыль. Порез на ладони отозвался, когда я сжал кулак. От всего, что осталось на той дороге, меня отделяло несколько минут. Я ещё помнил, как дёрнулся руль и насколько холодной была вода на бетоне.

На спутниковом телефоне по-прежнему не было связи. Я сфотографировал долину и каждое солнце отдельно, затем выключил оба аппарата. Заряд ещё понадобится. Установить, куда меня занесло, предстояло на месте.

Я убрал телефоны и раскрыл сумку.

От футляра пахло нагретой тканью. Ремень удерживал покоробленную крышку. Я ослабил его, посмотрел на треснувший камень и снова затянул. Давить на сердцевину не стал. Осколок лежал в той же ткани; потерять его сейчас было бы особенно глупо.

Под пальцами оказался гостиничный ключ. Небольшая гладкая карточка с выдавленным номером. Я перевернул её и вернул в кармашек.

На пистолете осталась вода. Я проверил оружие, пересчитал патроны и вытер затвор сухим краем ткани. Оставалось два патрона, один из них уже в стволе. Других при мне не было.

Я застегнул сумку и поднялся.

Дым за рекой ещё был виден. По берегу к домам вела дорога; значит, где-то должна быть и переправа. Я выбрал спуск к ручью. Сначала вода, потом выход к дороге и встреча с местными. Кто-нибудь из них мог знать, что за сооружение осталось у меня за спиной.

У основания колонны я оставил несколько свежих царапин краем металлической пряжки. Место и так трудно было перепутать, но к нему могло понадобиться вернуться в темноте. Потом снял на телефон площадку и выход к ступеням, снова отключил экран и пошёл вниз.

Ступени уходили под корни. Некоторые плиты просели, открыв глубокие пустоты. Я спускался по краю, где камень держался на плотной земле, а на поворотах придерживался за стволы. В боку тянуло после схватки в лаборатории. Я затянул лямку, чтобы сумка не била по рёбрам, и продолжил спуск.

Где-то над головой пересвистывались птицы, в подлеске время от времени шуршало. Мне удавалось различить движение, но увидеть того, кто двигался, не получалось. Один раз на тропу выбежал зверёк с плоским хвостом и замер, подняв передние лапы. По тёмной спине шёл светлый гребень. Мы посмотрели друг на друга, затем он юркнул под корни.

Я задержался у дерева, возле которого он исчез. На гладкой коре лежали мелкие прозрачные чешуйки. Наклонённые к свету, они отливали синим и зелёным, почти как рыбья кожа. Я провёл по одной пальцем. Она оказалась сухой и твёрдой.

Дальше на ветке сидела птица с длинными белыми перьями за головой. Она повернулась ко мне боком, и я увидел вторую пару крыльев, сложенную ниже первой. Я остановился. Птица переступила по ветке, оттолкнулась и скользнула между стволами, расправив все четыре крыла.

Я проводил её взглядом. Передняя пара работала чаще; нижние крылья расправлялись на поворотах, помогая удерживать тело между ветками. Потом птица скрылась за стволом.

В закрытой программе преподаватель биологии однажды велел нам собрать птичий скелет и показать, какие кости принимают нагрузку при посадке. Я вспомнил тонкие суставы у

себя на ладони, движение знакомого крыла. Здесь устройство было другим. Я запомнил, как птица складывала нижнюю пару, и пошёл дальше.

Ниже лес поредел. Между стволами заблестела вода; вместе с прохладой от неё донёсся запах сырого камня. Я вышел к небольшому ручью. Он бежал по плоским плитам, собирался в тёмной чаше под корнями и переливался через край.

Я присел рядом, снял перчатки. Порез на правой ладони затянуло; снимать с него запёкшуюся кровь не стал. Левой зачерпнул воду, понюхал и сделал маленький глоток.

Вода была холодной. От неё свело зубы.

Я напился, прополоскал рот и смыл соль с лица, стараясь не задеть полоску над бровью. Прохладная вода немного сняла усталость. Я намочил шею, снова надел перчатки и выбрался на берег.

За ручьём обнаружилась тропа.

По ней явно ходили. Низкие ветки были срезаны, в глине сохранились вытянутые следы обуви. На повороте стоял столб с двумя поперечинами. Под верхней висела почерневшая дощечка с вырезанными знаками. Я наклонил её к свету.

Знаки шли ровным рядом. В некоторых повторялись одинаковые крючки; между группами оставили промежутки. Ни одного я не узнал. Я снял указатель на телефон: позже можно будет показать его местным и сопоставить надпись с названиями дорог.

Я отпустил дощечку. Она ударилась о столб и повисла на старой проволоке.

Отсюда тропа вела к реке.

На берег я вышел возле поваленного дерева. Ствол лежал вдоль воды, вывороченные корни подняли целый пласт земли. Ниже по течению из реки торчали толстые деревянные столбы. Между ними ещё держались куски настила. Дальше, почти у противоположного берега, я различил лодку.

За деревьями кто-то крикнул.

Я остановился и отступил к стволу.

Крик повторился. Несколько резких выкриков, затем долгий надсадный звук. Ответа не последовало.

Я расстегнул кобуру и пошёл вдоль берега, держась ниже кустов.

Лодка оказалась ближе, чем я сначала решил. Изогнутый рукав реки подходил здесь к самой скале, и течение выдавило судно на камни возле старого причала. Один борт задрало, другой почти заливало водой. Над ним виднелись седая голова и плечи лодочника.

Он держался за обломок настила обеими руками. Вода ударяла ему в спину, сбивала с опоры, но ниже пояса он оставался на месте. Возле лодки плавали доски и раскрытый мешок. Течение тянуло всё это к узкому промежутку между сваями.

Я быстро оглядел берег. Второй лодки рядом не было. На противоположной стороне темнел пустой навес.

Лодочник заметил меня и закричал снова. Отпустил одну руку, показал вниз. Его тут же потянуло боком; он ухватился за дерево и на несколько мгновений скрыл лицо в локте.

Я оставил сумку за корнем, выбрался на плоский камень и помахал ему, показывая, что вижу.

Вода рядом с лодкой вспучилась.

Сначала я принял длинную тёмную полосу за притопленное бревно. Потом на ней открылись два жёлтых глаза.

Голова поднялась над водой. От глаз к шее тянулись костяные пластины, по бокам дрожали короткие щетинистые отростки. Передние лапы зацепились за борт. Они были слишком длинными для этого плоского тела и заканчивались крючковатыми пальцами.

Лодочник перестал звать. Он подтянулся на руках, пытаясь выбраться выше, но смог только повернуть корпус.

Я вытащил пистолет.

Зверь прижал одну лапу к доскам, другую перекинул через край. Лодка качнулась. Я прицелился в голову и выстрелил.

Грохот ударил по скале. Голова дёрнулась, лапы сорвались, и тело тяжело плюхнулось в воду. Лодочник вжался в обломок настила. Я уже бежал к нему по камням.

До лодки можно было добраться по остаткам причала. Две доски держались на поперечине, конец которой ушёл под воду. Я встал на них, почувствовал, как всё сооружение прогнулось, и перенёс вес ближе к краю. Потом шагнул на борт.

Лодку наклонило ко мне. Вода хлынула внутрь. Я ухватился за сваю, удержал равновесие и протянул руку лодочнику.

Он обеими ладонями оттолкнул мою руку и показал вниз.

Я пригнулся и разглядел, что удерживает ногу. Верёвка охватывала голень и уходила под перекошенную скамью. Саму скамью заклинило между бортом и поперечиной; она прижимала ступню. Течение давило на лодку, затягивая петлю. Тянуть лодочника вверх было бесполезно. Нужно перерезать верёвку и приподнять скамью.

Я убрал пистолет в кобуру и пригнулся. У лодочника на поясе торчала рукоять ножа. Я показал на неё. Он кивнул так резко, что по щеке прошла новая струйка воды.

Нож был коротким и тяжёлым, с затёртой деревянной рукоятью. Я втиснулся между скамьёй и бортом, нашёл натянутую верёвку. Лодочник держался за меня, не позволяя воде сбить с ног. Я упёрся плечом в доску и стал резать.

Волокна расходились медленно. Лезвие натыкалось на дерево, лодка дёргалась при каждом толчке течения. Я перехватил нож и продолжил. Когда верёвка поддалась, лодочник вскрикнул и навалился на меня всем весом.

Я удержал его за куртку и упёрся бедром в борт. Под рёбрами обожгло, но руки держали. Верёвка больше не мешала; оставалось освободить ступню.

Возле борта снова всплыла костяная голова.

Я сунул нож лодочнику в ладонь и подхватил весло. Подвёл лопасть под скамью, упёр её край в поперечину и нажал на длинную рукоять. Скамья поднялась. Лодочник упирался здоровой ногой, помогая мне удержать просвет.

Он выдернул ногу в тот момент, когда лапа легла на край лодки.

Я бросил весло и оттащил его к свае. Зверь был уже рядом. Под костяным гребнем темнела мокрая рана, из приоткрытой пасти выступали короткие неровные зубы. Тело почти целиком скрылось под водой; я видел только голову, лапы и то, как они цепляются за дерево.

Пистолет оказался в руке прежде, чем зверь подтянулся выше. Я выстрелил в раскрывшуюся пасть. После выстрела затвор остался открытым.

Лапа судорожно скребнула по доскам. Я отступил, прижав лодочника спиной к свае. По воде пошла тяжёлая рябь. Тёмное тело вывернулось боком, ударилось о затопленную поперечину и исчезло ниже по течению.

Я держал оружие направленным в воду, пока не перестал различать движение под поверхностью.

Лодочник выкрикивал что-то мне в ухо. Потом схватил за воротник и потянул вверх.

Течение разворачивало лодку. Доска, в которую упиралась моя нога, поднималась всё выше, обнажая ржавое крепление. Я посадил лодочника на остаток настила, выбрался следом и схватил его под мышку. Дальше пришлось двигаться боком, переставляя ноги по скользкому дереву.

До берега оставался один шаг, когда настил просел.

Я толкнул лодочника вперёд. Он упал на колени у камней, а я провалился по бедро и схватился за торчавший корень. Вода ударила в бок. Пальцы поехали по мокрой коре.

Перед лицом появилась рука. Лодочник лежал на животе, вытянувшись навстречу мне. Я ухватился за его запястье, подтянулся и нашёл ногой камень. Вместе мы выбрались за корни.

Он продолжал держать меня за рукав даже после того, как я встал на колено.

Лодка качнулась в последний раз. От неё оторвался конец доски, потом борт скрылся под водой. Кусок парусины некоторое время трепался между сваями. Течение натянуло его, и он пропал тоже.

Я отодвинулся от края.

Лодочник посмотрел на меня, на пистолет в моей руке и пополз назад. Уперевшись спиной в дерево, поднял перед собой раскрытую ладонь. Нож он всё ещё держал в другой.

Я отвёл ствол от него и убрал оружие в кобуру, оставив руку на виду.

— Я тебя не трону, — сказал я. — Дай посмотреть ногу.

Он ответил. Длинно, срываясь на хрип. Я не разобрал ни слова.

Я повторил просьбу на другом языке, затем ещё на двух. Лодочник ответил так же, как прежде. Я слушал, пытаясь выхватить хотя бы знакомое сочетание звуков.

В программе нас готовили к работе в любой части Земли. Я знал множество языков; даже чужой говор обычно удавалось связать с чем-то уже слышанным. Здесь не находилось ни одного знакомого корня, ни привычного окончания. Слух никак не делил этот поток на слова. Я видел, что лодочник говорит осмысленно, но до меня доходили словно произвольно соединённые звуки.

Я остановил его раскрытой ладонью и показал на ногу.

Он замолчал и осторожно потянул штанину. Голень охватывала глубокая красная полоса. На щиколотке уже поднялась припухлость. Лодочник попробовал выпрямить ступню и стиснул зубы.

Я сел рядом, протянул ладони и подождал. Он посмотрел на кобуру, затем на моё лицо. Через несколько мгновений позволил прикоснуться к ноге.

Осмотреть её толком мешал высокий сапог. Я нашёл сбоку шнуровку и ослабил. Лодочник держал сапог за верхний край, пока я стягивал его с опухшей ступни. Внутри плескалась вода.

— Неприятно, — сказал я.

Я оставил его у дерева и забрал сумку. По дороге оглядывался на реку, но тёмная голова больше не показывалась. Сумка оставалась сухой. Я проверил карман с футляром, вынул аптечку и вернулся.

При виде упаковки бинта лодочник замолчал. Внимательно следил, как я разворачиваю её. Я промыл ссадины оставшимся средством из аптечки и закрепил бинт выше и ниже щиколотки. Когда затягивал, он положил пальцы мне на запястье. Пришлось ослабить.

Закончив, я показал ему, чтобы попробовал пошевелить пальцами ноги. Он понял со второго раза.

Кость могла оказаться целой. Определять это окончательно здесь я бы не взялся. Судя по тому, как он прижимал ступню к земле, наступать на неё ему предстояло нескоро.

Я вытер нож, положил рукоятью к нему. Лодочник взял его и убрал на пояс. Потом некоторое время смотрел мне в лицо.

Седые волосы прилипли к узкому лицу. У старика были высокие скулы, прямой тонкий нос и ясные серо-голубые глаза; от них расходились глубокие морщины. Почти безупречная правильность черт придавала ему необыкновенную красоту. Кожа обветрилась от речного ветра, у рта залегли жёсткие складки. Под мокрой рубашкой проступали сухие сильные плечи, на длинных пальцах темнела въевшаяся верёвочная смола.

Он заправил мокрую прядь за ухо. Его верхний край поднимался высоко, хрящ сужался к острому кончику.

Я перевёл взгляд на второе ухо.

Лодочник нахмурился. Коснулся виска, будто проверяя, не поранился ли. Потом посмотрел на мои уши. Его взгляд задержался так же надолго.

Я коснулся своей груди.

— Леон.

— Лэон, — повторил он.

Я кивнул и указал на него. Лодочник дотронулся до себя и произнёс:

— Рен.

— Рен, — повторил я.

Он кивнул в ответ.

Рен тяжело поднялся, опираясь на ствол. Я придержал его за локоть. Он попробовал перенести вес на больную ногу и тут же обхватил моё плечо.

Я удержал его у дерева.

— Покажи, что тебе нужно.

Рен указал вверх по берегу. Среди веток в заводи темнело что-то кожаное. Я показал ему, чтобы оставался на месте, и пошёл проверить.

В мелкой заводи застряла кожаная сумка. Она зацепилась за ветку, наполовину погружённая в воду. Я поддел её длинной палкой и вынес на берег.

Рен сразу полез под клапан. Проверил небольшой свёрток, вынул потемневший кошелёк. Сжал его в ладони и закрыл глаза. Потом протянул мне сумку, словно предлагая посмотреть, что осталось внутри.

Я покачал головой и вернул её ему.

Среди веток у берега нашлось сломанное весло. Рен сам потянулся к нему, попробовал опереться и кивнул. Я придержал его, пока он проверял, выдержит ли обломок его вес.

Я убрал аптечку, застегнул сумку и перекинул лямку через голову. Футляр лёг под рёбра. Пришлось сдвинуть его ближе к боку, чтобы не давил на ушиб.

До тропы мы добрались медленно. Рен опирался на сломанное весло, я придерживал его за локоть. Снятый сапог он привязал к поясу: надеть его на распухшую ногу уже не получалось.

У первых колей старик заговорил. Указал вверх по течению, соединил ладони дугой. Я посмотрел в ту сторону и почувствовал, как сумка у меня под боком стала горячей.

Я остановился.

Футляр нагревался так же, как тогда, в машине. Под тканью что-то коротко дрогнуло. Я успел придержать сумку ладонью, прежде чем боль ударила в виски.

Она прошла через голову от затылка ко лбу, резкая, до белых пятен перед глазами. Я упёрся ногой в край колеи и усадил Рена на корень возле дороги. Старик продолжал говорить. Сквозь боль до меня доходили звуки его голоса, треск ветки под подошвой, шорох листьев.

Потом в голове словно разом сошлось множество разрозненных воспоминаний. Я узнавал слова, которых никогда не учил. Они обретали смысл целыми фразами. Появлялось знание того, как соединять их, как спросить, возразить, назвать предмет. Несколько мгновений я не мог отделить это от речи Рена.

— …до моста дойти. Там подвезут, если дорогу не размыло. Ты меня слышишь?

Я поднял на него глаза.

Рен произнёс ещё что-то, и я понял всё. Сами звуки оставались чужими. Я слышал их отчётливо и знал, что они означают.

— Далеко до моста? — спросил я.

Фраза вышла на его языке. Я произнёс её свободно, без поиска слов. Во рту ещё чувствовалась кровь из разбитой губы; от виска к шее тянуло тупой болью.

Старик поднял голову и уставился на меня.

— Так ты понимаешь?

— Теперь понимаю.

Я повторил это, уже намеренно выбирая выражение. Получилось так же легко. Мог бы спросить иначе, длиннее, вежливее. Все эти возможности уже были у меня в памяти.

Рен внимательно посмотрел на меня.

— А у воды что было?

— Сам ещё разбираюсь.

Я коснулся сумки. Тепло быстро уходило. В висках осталось слабое давление, которое тоже понемногу отпускало.

Ещё у колонн я держал в руках треснувшую пластину и не знал, чего от неё ждать. Теперь она лежала у меня под боком, а я говорил на языке старика. Совпадение было слишком точным.

Я убрал руку с сумки.

— Как называется поселение за мостом? — спросил я.

— Лаэр. Я там живу.

Рен указал вниз по течению. Потом он потянулся к сломанному веслу, и я подал ему обломок. Он упёр его в землю, но вставать пока не торопился.

Я спросил, как называется страна. Старик повернулся ко мне, словно хотел убедиться, что расслышал правильно.

— Хорад, — ответил он.

Он всё ещё смотрел на мою одежду, когда я спросил, можно ли в Лаэре найти карту.

— У караула должна быть. Я тебя провожу.

Рен оглянулся туда, где за деревьями шумела река.

— Доплыл бы уже до дома, если б лодку не сорвало. Полез её с камней снимать, а там скамью вывернуло. Нога в петлю попала. Крикнуть-то успел, а дальше уже только держался.

— Ты видел эту тварь раньше?

— Их здесь хватает. Обычно на глубине сидят. Вода вчера поднялась, вот и пришла одна к старым сваям.

Я помог ему подняться и подставил плечо.

Теперь разговор шёл без усилий. От этого окружающее казалось ещё страннее. Совсем недавно я не мог разобрать даже границ между словами, а сейчас понимал, когда Рен просил обойти корень, и мог объяснить, как ему лучше держать больную ногу. Знание оставалось со мной, хотя футляр уже остыл.

— Леон, — повторил старик, пока мы шли. — Так тебя зовут?

— Да.

— Я Рен. Благодарю, что не прошёл мимо.

— Ты тоже меня из воды вытащил.

Он крепче перехватил весло, проверяя опору.

— До дороги бы нам дойти. Потом благодарить легче будет.

На тропе сохранились старые колеи. Между ними росла трава, но у поворотов колёса всё ещё резали землю. Рен прислушался и окликнул кого-то за деревьями.

Из-за поворота показалась серая лошадь. За ней скрипела двухколёсная телега, нагруженная плетёными корзинами. Сидевшая в телеге эльфийка натянула поводья.

— Рен! Что с тобой?

— У причала застрял. Помоги нас довезти, Мейра.

Мейра легко спустилась с передка, придерживаясь за борт кончиками пальцев. Высокая, стройная, с прямой спиной и длинной шеей. Светлые волосы с медовым отливом были стянуты шнурком, открывая заострённые уши. Под тонкими золотистыми бровями выделялись большие зелёные глаза с золотистыми крапинками. Чёткие скулы и мягкая линия рта складывались в лицо такой красоты, что я задержал на нём взгляд. Затем она нахмурилась, и выражение стало строгим.

Рукава Мейры были подвёрнуты до локтей; на светлой коже предплечий лежала дорожная пыль. Она посмотрела на перевязанную ногу Рена, на мокрый сапог у пояса, потом перевела взгляд на меня.

— Опять к старым сваям полез?

— Лодку унесло бы.

— И где она теперь?

Рен не ответил.

Я придержал его за локоть.

— Ему нужно сесть. Нога опухает.

Мейра сдвинула одну из корзин и показала на освободившуюся доску.

— Сажай сюда. Ты с ним был?

— Подошёл с берега, когда услышал крик.

— Он меня вытащил, — добавил Рен. — Сам бы я там остался.

Мейра взглянула на мою куртку, задержалась на рассечении над бровью. Потом взяла у Рена его сумку и положила в телегу.

— Забирайся тоже.

Сначала я усадил Рена и помог устроить больную ногу между коробами. Сам сел ближе к заднему борту. Сумку поставил у колена, придерживая повреждённый футляр через ткань. Мейра накрыла старику ноги и вернулась к поводьям.

На первом ухабе отдало в рёбра. Я развернулся боком и упёрся ногами в поперечину, чтобы меньше трясло.

— Тебя тоже задело? — спросил Рен.

— Раньше. До реки.

Он подвинулся, освобождая место, и я кивнул ему в благодарность.

Дорога шла по склону. Деревья постепенно расступались, между ними появлялись невысокие ограды из плоского камня. За одной тянулись ровные ряды кустов с белыми цветами. За другой росло что-то похожее на рожь, только колосья свисали вниз и были почти чёрными.

У поля работали двое. Оба выпрямились, когда мы проехали мимо.

— Что случилось? — окликнул один.

— У Рена нога, — ответила Мейра. — Придержите ворота у моста, если бочки ещё не провезли.

Работник побежал к дому. Его товарищ остался у ограды, провожая нас взглядом.

Я рассматривал инструменты, одежду, способы крепить ворота. Между дворами не было проводов. У дороги стояла мельница с медленно поворачивавшимся колесом; воду к ней подвели по деревянному жёлобу. На открытой площадке возле дома сушились глиняные чаши. Часть накрыли от солнца лёгкой тканью.

Здесь жили давно. Успели проложить дороги, отвести воду к полям, вырастить деревья вдоль оград. Из-за ближайшей ограды нам помахала перемазанная глиной девчонка. Рен поднял руку в ответ.

Потом между холмами появился мост.

Он стоял на широких каменных опорах. Река, зажатая здесь скалами, неслась под единственной аркой. На дальней стороне теснились дома; те самые крыши я видел сверху, но теперь за ними открывались другие, поднимавшиеся по склону к невысокой стене.

Перед мостом пришлось подождать. Навстречу двигалась повозка с бочками. Её сопровождал бородатый погонщик; он придерживал заднее колесо длинным брусом на спуске. Рядом шла девушка с корзиной под мышкой. Она заглянула в нашу телегу, заметила Рена и спросила, не нужна ли помощь. Мейра ответила, что довезёт сама.

У девушки тоже были острые уши.

Я проводил её взглядом. Рен заметил это и посмотрел на мои уши.

— Ты из-за моря? — спросил он.

— Почему решил?

— На эльфа ты не похож. На зейра тоже. А больше на Эйрдане никого нет.

— Эйрдан — это материк?

Рен посмотрел на меня с недоумением.

— А что же? У вас его иначе называют?

— Я такого названия не слышал.

Он подвинулся, устраивая больную ногу между коробами.

— От предков остались рассказы о землях за большой водой. Говорят, много веков назад оттуда приплывали гости, и наши с ними обменивались письмами. Ты оттуда?

Я кивнул. Пусть считает меня путником из-за моря. Я сам ещё не разобрался, куда попал и как, и объяснять Рену исчезнувшую дорогу пока не собирался.

Старик помолчал, затем кивнул на кобуру.

— А чем ты ту тварь ударил?

— Оружием.

— Неужто за большой водой такая магия каждому доступна? У нас мастера ещё поискать.

— Этим нужно уметь пользоваться, — ответил я.

Рен задумчиво провёл ладонью по краю покрывала. Я посмотрел на эльфов, стоявших у въезда на мост. Один придерживал повозку с бочками, другой о чём-то спрашивал погонщика. Никто из них не был похож на меня.

— Здесь часто бывают чужеземцы?

Рен покачал головой.

— Из-за моря? До тебя я никого оттуда не встречал. Да и из соседних городов теперь редко едут в наши края. Кому охота попасть туда, где деревни жгут?

— Кто жжёт?

— Зейры. Их отряды границу переходят. Скот угонят, зерно заберут. Если отбиваться начнёшь, дома сожгут. Могут и просто так сжечь.

— Кто защищает деревни?

— Королевские отряды. Только их мало. Пока помощь в одно место идёт, они в другом уже хозяйничают.

Он умолк. Мейра оглянулась с передка, но ничего не добавила. Я посмотрел на поля позади нас: до тех, кто там работал, верховой добрался бы за несколько минут.

— Куда уходят те, кто лишился дома? — спросил я.

— К родне. Кто сюда, кто дальше в города.

— А за море почему не уезжают?

— До побережья ещё добраться надо. Зейры держат дороги к морю и гавани. Нас не выпускают, и кораблям из-за моря до нас не добраться. По своим землям ещё ездим, а дальше уже не пройдёшь.

Рен посмотрел на меня внимательнее.

— Как ты сам-то сюда добрался?

— Долгая история.

— Верю, — сказал Рен. — По одежде вижу, что не из наших мест. Только береги свои вещи. На тебя здесь смотреть будут.

Мейра щёлкнула поводьями. Под аркой вода вспенивалась о тёмные камни. Широкие опоры стояли в повороте русла, почти вплотную к скале; мост строили с расчётом на сильное течение. Я проследил дорогу до стены и запомнил проходы между домами по обе стороны от неё.

У въезда в поселение стояли двое с копьями. На одном была кожаная куртка с металлическими пластинами, на другом поверх плотной одежды висела короткая кольчуга. Вблизи

они выглядели уставшими и разгорячёнными. Копейщик в кольчуге держал возле локтя наполовину съеденное яблоко.

— Кого везёшь? — спросил он.

Мейра придержала лошадь.

— Рена. У реки ногу повредил.

Стражник в кожаной куртке перегородил проезд копьём и подошёл к телеге.

— А этот кто?

— Леон, — ответил я.

— Откуда?

Я поправил куртку, закрывая кобуру. Пустой пистолет оставался в ней. Афишировать его здесь не стоило: неизвестно, как воспримут такую вещь и станут ли возвращать после осмотра.

— Из-за моря. Здесь впервые. Спустился к реке, услышал крик.

Копейщик с яблоком опустил руку. Его напарник шагнул ближе.

— Из-за моря? Один?

— Один.

Копейщик посмотрел на рассечение над бровью.

— Тебя у реки так?

— Раньше.

— Он меня из лодки вытащил, — вмешался Рен. — И ногу перевязал. Тебе ещё нужно что-то узнать или дашь мне до лавки добраться?

Копейщик осмотрел бинт, задержался на его ровном белом крае и снова посмотрел на меня.

— К вечеру придёшь к караульному дому. Там дальше, у каменной лестницы. Старший с тобой поговорит. До этого из поселения не уходи.

— Приду.

Копейщик посмотрел на Мейру.

— У тебя будет?

— У меня. Сначала Рена домой довезти дай.

Он ещё раз оглядел меня и отвёл копьё от дороги. Мейра тронула лошадь. Я не стал оборачиваться, но шаги за нами слышал до самого поворота.

***

Поселение пахло дымом, лошадьми и свежим хлебом.

Прохожие задерживали на мне взгляд. Торговец у ворот вышел из-под навеса, чтобы рассмотреть получше; двое у стены замолчали, когда телега поравнялась с ними. Я проводил взглядом ближайший переулок и снова посмотрел вперёд.

На узкой улице пришлось разъезжаться с другой телегой. Из окна над нами вытряхнули половик.

— Смотри, куда трясёшь! — крикнула Мейра.

Половик мгновенно исчез. Возле длинного каменного дома спорили торговец и покупатель. Между ними стояла раскрытая корзина с серебристыми плодами. Покупатель разломил один ногтем и показал мякоть.

— Ты их в воде держал. Снаружи целые, внутри каша.

— Утром с дерева сняты. Откуда там вода?

Я понимал каждое слово. По привычке прислушивался к произношению, пробовал мысленно повторить, и всякий раз фраза находилась сразу.

Над соседней дверью висела дощечка: «Медная посуда. Починка». Я прочёл надпись и только потом задержал на ней взгляд. Узкие буквы с длинными нижними петлями складыва-

лись в слова без малейшего усилия. Я вернулся к началу, медленно прочёл ещё раз. Знал, как произнести каждое слово, понимал его значение. Значит, речь была не единственным, что появилось у меня в голове на дороге.

Над другой дверью был нарисован высокий сапог. У порога действительно лежала обувь. Дальше висела круглая чаша с тремя чертами над ней; под вывеской сидели за столом и ели.

— Нам бы туда, — сказал Рен.

— Я дома накормлю, — ответила Мейра. — А ты сразу ногу поднимешь. И хватит сегодня ездить.

Мы свернули в переулок и остановились у дома с широкими воротами. Мейра спустилась, распахнула одну створку и провела лошадь во двор. Здесь под навесом стояли пустые корзины, к стене прислонили запасное колесо. Рядом на верёвке сохло бельё.

Я помог Рену сойти. Мейра забрала сломанное весло и принесла из дома длинную палку с удобной рукоятью.

— Эта целее.

Рен проверил опору и направился к двери.

— С разгрузкой помочь? — спросил я.

— Потом. Сначала себя в порядок приведи.

Во дворе было тихо, ворота оставались открытыми. Я подхватил Рена под локоть и помог ему переступить порог.

Внутри было прохладно. За первой комнатой была кухня с печью и столом у окна. У стены стояла открытая полка с посудой, на крючках сушились пучки трав. Рен сел на лавку, осторожно вытянул ногу и показал мне место напротив.

Мейра принесла таз с водой. Я вымыл руки, вернул перчатки в сумку. Она задержалась возле меня и потянулась к полоске над бровью.

— Здесь уже обработано, — сказал я, мягко отводя её руку. — Повязку лучше оставить.

— Ты врач?

— Умею кое-что.

— Ему ногу тоже этим перевязал?

Я показал бинт. Она потрогала его край, присела возле Рена и осмотрела пальцы на повреждённой ноге. Старик пошевелил ими, не дожидаясь просьбы.

— Завтра посмотрим, — сказала Мейра. — Сейчас повыше положи.

Я поставил сумку между коленями. Отсюда видел дверь во двор, окно и почти всю комнату. Рен достал из спасённой сумки хлеб, отломил половину и положил передо мной.

— Держи. Хоть это не утопил.

Хлеб был плотным, с тёмной коркой. Я поблагодарил. Мейра поставила перед нами две глиняные чаши, и Рен сразу взял ложку. От густого бульона поднимался пар.

Я последовал его примеру и только после первого глотка понял, насколько проголодался. За окном скрипели колёса. Во дворе лошадь била копытом по земле; Мейра время от времени окликала её, не отходя от печи.

— Ты один идёшь? — спросил Рен.

— Один.

— Дорогу знаешь?

— Пытаюсь выяснить.

Он взглянул на меня поверх чаши.

— Куда тебе нужно?

В сумке под ладонью лежал футляр. Ответить на этот вопрос было просто; объяснить ответ пока не представлялось возможным.

— Сначала хочу узнать об одном месте.

Я достал телефон и нашёл фотографии. Повернул экран к Рену, показывая долину.

Старик замер с куском хлеба у рта. Потом положил его возле чаши и медленно наклонился ко мне. Тусклый свет лёг ему на пальцы. Он посмотрел на заднюю сторону телефона, снова на изображение и осторожно поднёс к стеклу ладонь.

— Там наша река, — сказал он. — Ты сейчас её видишь?

— Я был там утром. Эта вещь сохраняет изображения. Потом их можно посмотреть.

У печи перестала звенеть посуда. Мейра подошла к столу, поставила чашки и склонилась рядом с Реном. На фотографии были видны отдельные крыши, излучина реки, тропа на склоне. Она подалась ближе, разглядывая крошечные дома.

— Это всё здесь? — спросила она. — Внутри?

— Изображение остаётся здесь.

Я коснулся экрана. Долина сменилась снимком площадки с колоннами. Рен отдёрнул руку, едва не опрокинув чашу; я успел её придержать. Мейра выпрямилась и посмотрела мне в лицо.

— Ты её зачаровал?

— Нет. Я только умею ею пользоваться.

— А откуда она у тебя?

— У меня дома это обычная вещь.

Рен перевёл взгляд на Мейру. Та не ответила. Она смотрела на телефон, прижав пальцы к краю стола.

— И оружие у него такое же, — негромко сказал старик. — Я удара не увидел. Грохнуло, и тварь с настила сбило.

Мейра чуть отодвинулась от моей сумки.

— Кто же ты такой?

— Обычный путник. Ищу дорогу домой.

Она помолчала, затем придвинула Рену чашу, чтобы та не упала с края.

Я опустил телефон ближе к столу. На Земле я показал бы этот снимок любому встречному, если бы спрашивал дорогу. Здесь Мейра теперь следила за каждым движением моей руки. Следовало поскорее узнать нужное и убрать аппарат.

— Это место вы знаете?

На экране две расколотые колонны стояли по краям площадки. В щель между камнями уходили корни. Рен снова наклонился, уже не приближая рук к телефону.

— Наверху был? — спросил он.

— Оттуда спустился к реке.

Он всмотрелся в знакомый склон, затем взял ложку, обмакнул черенок в остаток бульона и провёл на сухой доске извилистую линию. Рядом поставил две отметки.

— Здесь мы сейчас. Выше старая дорога. А вот это…

— Рен. Не здесь.

Мейра посмотрела в окно. За воротами кто-то окликнул её и спросил, не освободилась ли телега.

— Позже зайди, — ответила она и дождалась, пока шаги стихнут. Потом повернулась ко мне: — Спрячь её, Леон.

Я погасил экран. Рен ещё несколько мгновений смотрел на потемневшее стекло. Мейра проследила, как я убрал телефон в карман, и подошла к двери во двор.

— Кого вы боитесь? — спросил я.

Глава 3. Верхняя переправа

Мейра вышла во двор и прикрыла ворота. Вернувшись, сняла с крючка свёрнутую занавеску и закрыла ею окно. Свет в комнате стал мягче; сквозь ткань просвечивала ветка, качавшаяся во дворе.

— Тех, кто захочет забрать твою вещь, — ответила она. — Сосед увидит, за ужином расскажет. К утру про тебя будут знать на другой стороне реки.

— У вас за такие вещи убивают?

— Я не знаю, сколько твоя стоит. Мне таких прежде не показывали.

Она села напротив, опустив ладони на стол.

— У нас и в большом городе мастера не всегда найдёшь. За его работу платят столько, сколько мне за год не выручить. А у тебя одна вещь без огня светит и целую долину показывает, другой ты Рена от зверя спас. Ты говоришь, дома это обычное. Я даже представить не могу, что это за дом.

Рен вытер мокрые следы от ложки рукавом. Он всё ещё поглядывал на карман, в котором лежал телефон.

— Изображения тоже разом пропали, — сказал он. — Ты её закрыл, а они куда делись?

— Остались внутри. Захочу, снова покажу.

Он кивнул, но по лицу было видно, что ответ его не успокоил.

— Скажи, за ней кто-нибудь придёт? — спросила Мейра.

— Она моя.

— Я не об этом. За тобой идут?

Перед глазами на миг возник мост: мокрый бетон, свет вертолёта, перекрывшие дорогу машины. Всё это осталось под другим небом.

— Погони я не привёл. Иначе не остался бы здесь.

Мейра посмотрела на Рена. Он положил ладонь на перевязанную ногу.

— Меня он вытащил. Мог пройти мимо.

— Я помню, — сказала она. — И на улицу его не гоню. Только нам ещё здесь жить.

Я кивнул, оставив руки на столе, подальше от сумки.

Она немного помолчала.

— Тогда хотя бы не показывай её всем подряд. В Лаэре старые вещи скупают. Чаши, пряжки, камни с буквами. Про редкую находку сразу узнают. Потом всё увозят через тех, кто держит гавани. Сколько глаз увидит твою вещь по дороге, никто уже не сосчитает.

— Понял. Больше здесь доставать не буду.

Рен вздохнул и взял недоеденный хлеб. Мейра осталась за столом. Телефон я не вынимал; помнил снимок достаточно хорошо, чтобы продолжить без него.

— Рен, ты хотел объяснить, что за место наверху.

— Верхняя переправа, — сказал Рен.

Я вспомнил площадку под ногами, корни между плитами и две обломанные колонны над долиной.

— До реки оттуда далеко.

— До нынешней. Старое название. Я ещё у своего отца его слышал.

— Зачем туда вела дорога?

Он пожал плечами.

— Камень возили, наверное. Или выше что-то стояло. В лесу стены есть, только за ними уже ничего не разберёшь. После дождей тропу размывает.

— Кто-нибудь изучал эти развалины?

Рен положил ложку.

— Землемер один. Саэр. Я его туда водил. Он всё мерил, с плит грязь счищал, на бумагу переносил. Два дня провозился, а потом ещё сердился, что времени мало.

— Где его найти?

— В Тальвене, — ответила Мейра. — При старом дорожном дворе. Там теперь держат записи из пограничных селений, которые успели вывезти. Он с ними работает.

— Далеко?

— Если выехать на рассвете, к следующему вечеру будешь. Смотря как дорога.

Она собрала чаши. Я придержал свою, прежде чем Мейра успела её поднять.

— У него остались те листы, на которые он всё переносил?

— При мне в кожу завернул, убрал в сумку. Берёг всю дорогу.

Мейра унесла посуду к печи. Рен проводил её взглядом, потом понизил голос:

— Только к развалинам сегодня не ходи. Ты меня из воды достал, а я тебя со склона уже не вытащу.

— Сегодня не пойду.

У Саэра могли сохраниться записи и строки с плит, которых на моём снимке не было видно. Я мог изучить их, прежде чем снова браться за повреждённый предмет. В сумке лежала единственная вещь, перенёсшая меня сюда; трещина в её сердцевине не позволяла рассчитывать на множество попыток.

Я доел хлеб и поднялся.

— Теперь покажи, что разгрузить.

***

Под навесом стояло шесть ящиков с сушёными плодами и узкие мешки, перевязанные попарно. Мейра показала, какие можно сложить друг на друга, а какие нужно оставить устены. От помощи она больше не отказывалась.

При подъёме первого ящика под рёбрами кольнуло. Я подхватил его снизу, удерживая ближе к животу, и донёс до навеса. На Земле после такой ночи меня уже осматривал бы врач. Здесь пришлось самому определить, что можно нагружать, а с чем лучше подождать. Дыхание оставалось ровным, резкой боли на вдохе не было. Тяжёлые мешки я перетащил волоком по доске.

Мейра отвела лошадь к поилке, вернулась и встала на телегу, подавая последние ящики.

— Ты этим торгуешь? — спросил я.

— И этим тоже. Что привезу, то и продаю. На обратном пути везу заказанное. Рен раньше на реке помогал, пока у него была лодка.

Мы оба посмотрели на открытую дверь. Из комнаты донёсся стук палки: старик пытался до чего-то дотянуться.

— Сиди уже! — крикнула Мейра.

Стук прекратился.

Последний мешок мы сняли вдвоём. Мейра собрала оставшуюся верёвку, убрала под сиденье и принялась проверять колесо. Я присел рядом. Деревянные спицы были подогнаны плотно, металлическая шина держалась хорошо. На оси темнела свежая смазка. Телегу она держала в порядке.

— Завтра снова поедешь?

— В Тальвен. С мукой и тканью. Отсюда ещё две повозки будут.

Я посмотрел на опустевший кузов.

— Возьмёшь меня?

Мейра перестала протирать втулку.

— Если Келлан отпустит.

— Старший караула?

— Он. И если Рену к утру не станет хуже.

— За ногой посмотрю перед сном. Тебе с грузом помогу.

Она задумалась, скручивая тряпицу.

— Места хватит. О дороге поговоришь с ним сам.

Над навесом ходил тёплый ветер. На ветке у стены птица расклёвывала спелый плод. Разорванная кожура свисала почти до поилки.

— Плоды портят, — сказала Мейра. — Сними утром, если проснёшься раньше меня. Те, что с краю. Остальные ещё твёрдые.

Она указала на ветку и пошла в дом.

Я остался под деревом. Тень от стены уже доходила до поилки, но с другой стороны на воду по-прежнему падал свет. У корней росли мелкие белые цветы. При каждом порыве ветра лепестки приподнимались, открывая прозрачную середину; там мерцало что-то похожее на каплю ртути.

Утром я смотрел на долину сверху и пытался найти дорогу. Теперь у меня были имена, крыша на ночь и место, куда следовало ехать. Всё это легко укладывалось в привычную задачу: узнать обстановку, найти проводника, сохранить имущество. Стоило поднять глаза над стеной, и привычный порядок заканчивался. За одной крышей белело солнце. Второе висело по другую сторону двора, золотя край облака.

Я ещё раз достал спутниковый телефон, прикрыв экран ладонью. Поиск так и не дал результата. Выключил аппарат и убрал: расходовать заряд на несуществующую здесь сеть было бессмысленно.

Мейра показала мне небольшую комнату за лестницей. На лавке лежала сложенная подстилка, у стены стоял кувшин. Окно выходило в тот же двор. Дверь закрывалась деревянной щеколдой.

Я поблагодарил её, снял куртку и заперся.

Бронежилет натёр кожу над ремнём. Я ослабил крепления и осторожно провёл пальцами вдоль рёбер. Ушиб давал о себе знать при повороте, но хуже не становился. Повязка на ладони после реки отсырела; её пришлось заменить. На чистую ткань из оставленного Мейрой свёртка я положил аптечку и повреждённый футляр.

Крышка держалась на одном перекошенном шарнире. Я открыл её, придерживая сгиб. Внутри лежали пластина и отколотый кусок камня, завёрнутый отдельно. Трещина пересекала сердцевину от края до металлической оправы. Света в ней не было.

Я поднёс ладонь. Предмет оставался чуть теплее дерева под ним. Ни головной боли, ни нового потока чужих слов не последовало.

Несколько часов назад я не мог отличить речь Рена от бессвязных звуков. Теперь вспомнил его первую понятную фразу и без труда произнёс её вслух. Следом за нею нашлись другие слова, их можно было переставлять, изменять, строить предложения, которых я прежде не слышал. Так же легко вспомнилась надпись у лавки медника. Я знал, как выглядит каждое слово и какие звуки стоят за буквами.

В телефоне я создал заметку: время после переноса по собственным часам, место первого воздействия, признаки. Отдельно записал, что сумку снимал, а речь всё равно понимаю. Закончив, отключил лишние функции и погасил экран. Если удастся вернуться, этих записей потребуют раньше, чем дадут вымыться.

Я посмотрел на разложенные вещи. С утра у задания больше не было связи, срока и маршрута отхода. Цель я определил сам: разобраться с пластиной и вернуться. Пока этого хватало, чтобы действовать.

Осколок я уложил так, чтобы он не тёрся о край сердцевины, закрыл футляр и обернул тканью. Пустой пистолет проверил привычным движением и вернул в кобуру. Здесь он мог

выручить только на расстоянии вытянутой руки. Прежде чем уходить дальше, стоило раздобыть клинок.

Из соседней комнаты донёсся голос Рена. Он просил принести сапог, уверяя, что больная нога туда вполне войдёт.

Я надел куртку и вышел объяснить ему, почему сегодня проверять это не стоит.

***

К караульному дому мы с Мейрой подошли уже в темноте. У входа горел фонарь, над дверью висел колокол. Рядом начиналась каменная лестница к тесным домам на склоне.

Мейра толкнула дверь.

Внутри пахло кожей, маслом и остывшей кашей. На столе горела масляная лампа. У стены стояли копья, на скамье лежал разобранный нагрудник. Стражник, остановивший нас у моста, проводил меня к столу и остался у двери.

Келлан поднялся навстречу. Светлые волосы были коротко обрезаны, на виске белел тонкий рубец. Красивое узкое лицо показалось почти бесстрастным, пока он не заметил мои руки. Взгляд задержался на повязке, затем вернулся к лицу. Кольчугу Келлан снял; под ней оказалась плотная рубашка, потемневшая от пота у шеи.

— Мейра сказала, ты вытащил Рена.

— Да.

— Как у него нога? Ходить может?

— Только с палкой. Лучше ему пока побыть дома.

Келлан показал на скамью. Сам остался стоять.

— Ты пришёл сверху, от старой дороги?

— Да. Спустился к реке.

— С кем был?

— Один.

— Когда прошёл через границу?

— Постов я не видел. Шёл лесной тропой.

Келлан перевёл взгляд на Мейру. Она держалась у стены и в разговор не вмешивалась.

— Следовательно, прошёл мимо них, — сказал он. — Как?

— Вышел к реке от старых камней. Там услышал Рена.

Несколько мгновений он разглядывал меня. Я не отводил глаз. За дверью звякнул металл; стражник у входа обернулся.

— До этого куда держал путь?

— Ищу дорогу домой. Местных названий не знаю.

— Здесь так отвечают, когда не хотят называть дорогу?

— Могу показать, где шёл сегодня. Дальше хочу добраться до Тальвена.

Келлан опёрся ладонями о стол.

— Ты говоришь на нашем языке. Одет так, как здесь никто не одевается. Знакомых нет. А про себя рассказываешь только, что ищешь дорогу домой.

— Всё верно.

— Я не могу просто пожелать тебе доброго пути.

— Я пришёл поговорить. Ты сам выбрал время.

Он выпрямился. Ответа я не услышал: снаружи закричали. Вслед за криком прогремел тяжёлый удар.

Стражник распахнул дверь. Я уже стоял.

Улица поднималась вдоль стены и за караульным домом уходила к верхним воротам. На повороте застряла повозка. Келлан снял у двери фонарь и поставил на ступень рядом с ней. При

свете я увидел, что заднее колесо застряло в водостоке и перекосилось. Несколько деревянных спиц переломились. Кузов накренился к стене. Под грудами одеял кто-то шевелился.

Лошадь упала на колени. Она пыталась встать, но деревянный брус от повозки зажало между её боком и камнем у водостока. Возле лошадиной головы эльф удерживал ремень; с повозки тянули поводья, пытаясь поднять животное. На их крик сбежались соседи. У края лестницы женщина прижимала к себе мальчика с забинтованной головой.

Двое стражников ухватились за задний борт. Повозка качнулась, и из-под колеса посыпалась каменная крошка. Один из раненых вскрикнул.

— Поднимать не надо, — сказал я. — Отпустите борт. Медленно.

Ближайший стражник оглянулся. Келлан уже подошёл к нему.

— Опускай, — повторил он. — Ты тоже.

Кузов осел. Оставшиеся спицы затрещали. Я присел у жёлоба: наружный конец оси висел почти над пустотой, колесо удерживалось боком за край камня. Стоило выдернуть его оттуда, и весь груз лёг бы на левый угол. Дальше повозку потащило бы вниз, прямо на лестницу и лавку под навесом.

Я выпрямился и указал Келлану на верёвку, привязанную поверх груза.

— Нужна эта. И брус под кузов. Вон у стены подойдёт.

Он коротко приказал стражникам снять верёвку. Я оттеснил собравшихся от нижнего края повозки и подставил под целое заднее колесо камень. Ещё один вбил каблуком поглубже. Лошадь опять рванулась, натянув ремни; кузов дёрнулся над моей головой.

— Держи её, — сказал я эльфу, державшему лошадь. — Сейчас освободим.

Эльф, державший поводья, достал нож.

— Разрежу, а там вытянем.

Я перехватил его запястье.

— Пока не режь. Повозка уйдёт вниз.

Он посмотрел на кренящийся кузов и опустил руку.

Келлан принёс верёвку. Я пропустил конец вокруг задней поперечины рамы и завязал узел. Рядом с лестницей стоял толстый каменный столб, к которому крепились перила. Я обвёл вокруг него верёвку тремя оборотами, выбрал слабину и передал свободный конец двум стражникам.

— Держите натянутой. Если повозка сдвинется, травите понемногу, через столб. На руки не наматывать.

Келлан проверил узел и встал рядом с ними.

Я натянул перчатки. Под левым бортом оставалась щель, куда можно было завести длинный брус. Двое прохожих притащили его со двора; я показал, где положить камень для опоры. У дальнего конца они поднимут кузов собственным весом. Мне останется подставить обломки досок и убрать раненых, прежде чем рама соскользнёт.

— Когда скажу, нажимайте. Только вместе.

Один из помощников смотрел на моё лицо. Я повернул его за плечо к брусу.

— Сюда смотри. Руки шире. Готов?

Он кивнул.

Мейра забралась на повозку с другой стороны. Я заметил её поверх борта и показал на одеяла.

— Сколько там?

— Трое. Один зажат.

Она откинула ткань. На мешках с одеждой лежала женщина. Мужчина рядом прижимал к груди руку, замотанную тряпьём. В углу, под съехавшим сундуком, виднелось ещё одно лицо.

— Помогите женщине и мужчине с перевязанной рукой, — сказал я. — Перенесём к стене. Под ноги смотрите.

Мейра подвела женщину к правому борту. Я обошёл повозку и принял её на руки. В спине отозвалась боль, но вес оказался небольшим. Женщина вцепилась в мою куртку у плеча и зажмурилась. Я опустил её на скамью у караульной двери. Стражник вынес из комнаты вторую скамью и поставил рядом.

Мужчина с перевязанной рукой сумел спуститься сам, опираясь на моё плечо. От него пахло гарью. На обмотанной руке проступили тёмные пятна, пальцы распухли. Мейра позвала соседку принести чистой воды.

Из-под сундука донёсся стон.

Я вернулся к кузову. Лошадь всхрапнула и снова попыталась подняться. Камень под колесом повернулся; верёвка натянулась с сухим скрипом. Стражники подались вперёд, но обороты на столбе удержали раму. Повозка сдвинулась вниз на ладонь и замерла.

— Не тянуть, — сказал я. — Просто держите.

Под сундуком оказался худой эльф в разорванной рубашке. Ногу прижало к передней стенке. Он ухватился за край борта, пытаясь приподняться, и не смог.

— Лежи спокойно. Как зовут?

— Ивен.

— Ивен, я сейчас сниму сундук. Ногу сам не дёргай.

Крышку перетягивал ремень. Я попросил у Келлана нож, срезал ремень и распахнул сундук. Внутри лежали посуда, инструмент, свёрнутая одежда. Мейра принялась вытаскивать вещи и передавать вниз. Я снял тяжёлую железную чашку с его колена, убрал последний свёрток и упёрся плечом в опустевший сундук.

Снизу хрустнуло. Кузов просел ещё немного, прижимая ногу сильнее.

— Теперь, — сказал я помощникам у бруса. — Плавно.

Борт поднялся. Я ухватил Ивена под мышки и развернул вдоль повозки, освобождая его ступню. Мейра поддержала голень. Сундук съехал в освободившийся промежуток и ударился о раму. Я уже тянул раненого к себе.

Он оказался тяжелее женщины. Когда я принял его на грудь, в боку прострелило так, что пришлось стиснуть зубы. Келлан успел подхватить его ноги. Вдвоём мы перенесли Ивена к стене и опустили на расстеленное одеяло.

За спиной снова затрещало дерево. Один из помощников невольно отпустил брус. Я шагнул обратно и прижал дальний конец ногой, пока стоявший рядом помощник не подставил доски под раму.

— Ещё одну. С краю. Теперь отходите.

Когда кузов лёг на подпорку, я взял у Келлана нож и подошёл к лошади. Один из эльфов удерживал её голову. Я перерезал натянутый ремень, отвёл в сторону сломанный брус и помог вытащить его из-под живота. Лошадь забилась; мы отступили, давая ей место. Она с трудом поднялась и осталась стоять, опустив голову.

Повозку держали верёвка и подпорки. Снимать колесо можно было позже.

Я вернул нож Келлану и снял перчатки. Под повязкой на ладони выступила кровь. Мейра заметила, но я покачал головой, указав на Ивена.

— Сначала ему.

Она уже присела рядом. Я попросил принести две ровные дощечки и чистую ткань. Сапог у Ивена пришлось распороть: ступня быстро опухала. Кожа под ней оставалась тёплой, пальцы двигались. Я поддержал голень, пока Мейра укладывала ткань; вместе мы закрепили дощечки так, чтобы не сдавить повреждённое место.

Ивен смотрел на нас, крепко сжимая челюсти. Когда закончили, он выдохнул и обмяк на одеяле.

— Переносить можно, — сказал я Келлану. — Вставать ему не давайте.

Тот кивнул стражникам. Дверь в караульный дом подперли камнем, отодвинули стол. Раненых начали заносить внутрь.

У скамьи стояла женщина с мальчиком. Подол её платья обгорел, волосы с одной стороны слиплись в тёмную корку. Мальчик молча смотрел на лошадь. Погонщик держал под её мордой ведро, но животное пока не пило.

Келлан подошёл к женщине.

— Остальные где?

Она прижала ладонь к перевязке на голове мальчика.

— По дороге идут. Мы раненых посадили. Кто мог, сам пошёл.

— Их много?

Женщина посмотрела на него. Потом на дверь, за которой укладывали Ивена.

— Утром все на площади были. Когда повозку вывели, я уже не считала.

Келлан подозвал копейщика и велел взять ещё двоих, пройти навстречу до поворота у полей. За ним побежал подросток из соседнего двора, но Келлан вернул его и отправил за водой.

Я сел на край скамьи и расстегнул куртку. Под повязкой пульсировала ладонь. Женщина всё стояла рядом. Я подвинулся, освобождая место.

— Садись.

Она опустилась, не выпуская мальчика. Тот устроился у неё на коленях. Я придержал ведро, принесённое со двора, и подал им чистую чашку.

Женщина отпила и остановилась, словно забыла, что держит воду.

— Кто напал? — спросил я.

— Зейры. Кто же ещё? Верхом приехали. Сначала к старосте пошли. Мы думали, опять зерно забирать будут.

Она гладила мальчика по спине, проводя ладонью по одному и тому же месту.

— Староста им ключи от амбара вынес. Потом они его во двор вывели. Велели стоять, чтоб все видели. А дома уже с другого конца подожгли.

Мальчик крепче прижался к ней. Женщина поставила чашку под скамью.

— Ты оттуда? — спросила она у меня, впервые разглядев лицо.

— Нет. Я пришёл с другой стороны.

Она кивнула. Ничего больше спрашивать не стала.

У въезда на улицу послышался стук колёс. Келлан вышел из караульного дома и потянул за верёвку колокола. Три удара, пауза, ещё три. Из тёмных переулков выходили жители. Одни несли одеяла, другие торопились к воротам.

Я дождался, пока женщина допьёт воду, и пошёл помогать разгружать следующую повозку.

***

Когда мы снова вошли к Келлану, за столом уже сидел раненый. Мейра принесла из дома ткань и теперь разрезала её на полосы. Запах каши исчез под запахом дыма и мокрой ткани. На скамье у стены спали двое детей, укрытые чужой курткой.

Келлан отвёл меня к лестнице во двор. Здесь было тише. Сверху доносился скрип калитки; стражники провожали прибывших к домам, где их согласились принять.

— Командовать тебе не впервой, — сказал он.

— Надо было спешить.

Келлан посмотрел на мою ладонь. Я уже перемотал её свежей тканью; первая полоска марли валялась в ведре у двери.

— Мне нужно знать, кого я оставляю у себя. Рену ты помог, это хорошо. Но из этого не следует, что я могу за тебя поручиться.

— Понимаю.

— Мейра завтра едет в Тальвен. С ней пойдут мои двое, проводят раненых. Доедешь вместе с ними. Там и поговорят с тобой обстоятельнее.

— Я могу остаться у неё до утра?

— Можешь. Она согласилась. У ворот скажу, чтобы пропустили с повозками.

Он повернулся к двери, но я остановил его.

— Рен сказал, у тебя есть карта. Покажешь дорогу?

Келлан помедлил, затем махнул рукой, приглашая за собой.

Лист висел в дальней комнате, за открытой дверью. Келлан поднёс к нему лампу. Края бумаги подогнулись от сырости, вдоль сгиба проступила сетка трещин. Я различил реку, мост, маленький квадрат укрепления и дорогу, огибавшую лес. Надписи были сделаны двумя почерками: названия поселений вывели ровно, поздние добавления теснились между линиями. Я прочёл ближайшие и нашёл Лаэр у реки.

Я показал на дорогу, уходившую от него к холмам. Келлан кивнул.

— По ней пойдёте. За перевалом спуск к мельницам, там на ночь остановитесь. Утром дальше на Тальвен.

Я проследил линию, запоминая повороты и ручьи. Большая часть пути шла в стороне от реки; от неё к лесу уходило несколько коротких ответвлений. Келлан провёл пальцем по верхнему краю листа.

— Здесь граница. Туда вам не надо. Мейра знает.

— Где та деревня, откуда сегодня привезли раненых?

Келлан провёл пальцем вдоль дороги от Лаэра и указал на маленькую отметку у одного из ответвлений.

Я прикинул расстояние по поворотам дороги и отметкам дневных переходов, которые Келлан пояснил. От Лаэра до разорённых домов было значительно дальше, чем от них до границы. Нападавшие успели бы вернуться на свою землю задолго до появления помощи.

— По этой дороге можно было отправить конных, — сказал я, показывая короткую линию вдоль ручья.

— Можно было. Весной мост у мельницы снесло. Здесь его ещё не убрали.

На полях я прочёл заметки о повреждённых дорогах и местах, где нельзя провести повозки. Возле одной стояло указание на снятый настил, возле другой просили брать в обход заболоченного луга. Снесённый мост в записях не упоминался. Келлан объяснил, что последние изменения ещё не перенесли сюда.

Я убрал руку. План местности помогал, но проходить по нему вслепую я бы не стал.

— Где искать Саэра?

— Мейра довезёт до дорожного двора. Там спросишь. Если он до сих пор разбирает записи, раньше утра к нему лучше не соваться.

Келлана окликнули из передней комнаты. Он вернулся к раненым, а я ещё немного постоял перед картой, запоминая путь. Среди нарисованных холмов я нашёл место, где должны были стоять колонны. Дороги к ним на листе не было.

***

К дому Мейры вернулись в темноте. У порога горела лампа. Рен сидел рядом, укрыв плечи одеялом; на ступеньке стояла миска с остывшей едой.

— Слышал колокол, — сказал он. — Кто приехал?

Мейра сняла шнурок с волос и снова стянула их, крепче прежнего.

— Раненые с границы. Их в караульном доме оставили. Остальных разобрали, кто мог.

Рен подвинул палкой миску к стене.

— Зейры уже рядом?

— Нет. Деревню у границы сожгли.

Он кивнул, но с порога уходить не стал. Мейра постояла рядом и коснулась его плеча.

— Завтра утром уеду с грузом. Еду тебе оставлю, воду принесу. Не нагружай ногу, пока меня не будет.

— Сам справлюсь. До кухни с палкой дойду.

Я присел перед ним и осторожно ощупал голеностоп. Отёк немного увеличился, но пальцы оставались тёплыми, цвет кожи не изменился. Рен поморщился, когда я надавил сбоку.

— Пока лучше побольше сидеть, — сказал я. — Держи ногу повыше. Если станет болеть сильнее, пусть кто-нибудь позовёт врача.

— Посижу, — ответил Рен.

Мы помогли ему перебраться в дом. Мейра поставила воду греться и пошла укладывать муку, которую нужно было везти завтра. Я закончил с повязкой и задержался у стола.

Рен проводил её взглядом. Со двора донёсся стук ящиков, потом скрип телеги.

— Её тоже с границы привезли, — сказал он. — Ребёнком ещё.

Я отложил остаток чистой ткани.

— После такого же нападения?

Он кивнул.

— Зейры сожгли селение. Родители погибли. Соседи её вывезли с остальными, сюда добрались. Я у себя оставил, думал, найдётся кто-нибудь из родни.

Рен разгладил пальцами складку на повязке.

— Никто не нашёлся. Она первое время у двери сидела, каждый раз прислушивалась, когда по улице шли. На ночь я ей постель рядом со своей стелил. Только так и засыпала.

Я посмотрел в открытый дверной проём. Мейра вытянула из-под мешков край ткани, сложила его и убрала под сиденье. Потом вернулась к печи и приподняла крышку котелка.

— Рен, тебе ещё налить?

Рен подвинул чашку. Она наполнила её, придвинула поближе к нему хлеб и вернулась во двор.

— Так у тебя и осталась, — сказал я.

— Так и осталась. Я её вырастил. Теперь она за мной ходит, чтоб лишний раз не встал.

Он сказал это тихо, глядя ей вслед. Я подождал, пока Мейра снова займётся грузом, и вернулся к рисункам, о которых он упоминал за обедом.

— Когда ты водил землемера к развалинам, что ему понадобилось наверху?

Рен подтянул к себе чашку.

— Старую дорогу искал. Снизу от реки её не видно, она за скалой проходит. Саэр решил, что по ней ещё можно будет ездить, если расчистить. Только наверху всё обвалилось.

— И он занялся камнями?

— Сразу занялся. Я ему тропу показываю, где лошадь можно провести, а он уже на коленях стоит, землю руками разгребает. Вырезано там что-то было. На боковых плитах, возле колонн. Видел?

Я вспомнил площадку. С одной стороны из травы выступала длинная полоса камня. Ближе я к ней не подходил.

— Не рассмотрел.

— Он с неё всё перенёс. Уголь в пальцах растёр, бумагу прижал. Потом ещё рисовал. Всё бормотал, что край отбили и строки не хватает.

— Прочёл что-нибудь?

— Не при мне. Сказал, надо с другими сравнить. Спросил, давно ли это место Переправой зовётся. Я ему то же самое ответил, что тебе.

Мейра вернулась с двумя пустыми мешками. Положила их на стол, стала проверять швы.

— Значит, поедешь в Тальвен? — спросила она.

— Келлан разрешил. Вместе с его стражниками.

— С рассветом выходим. Поможешь загрузить телегу?

Мейра поставила лампу на перевёрнутый ящик рядом с телегой. Я носил мешки из дома, она укладывала их по обе стороны оси. Поверх поставили ящики с тканью. Мейра накрыла груз промасленной тканью и затянула ремни; я удерживал край, пока она закрепляла последний узел.

Когда закончили, Мейра вернула лампу к двери. Над оградой ярко горели звёзды. Я задержал на них взгляд, пытаясь найти знакомое созвездие, но ни одного не узнал.

Из дома окликнул Рен. Я вошёл и увидел, что он отодвинул чашку и освободил перед собой место на столе.

— Мейра, достань мой меч. Он над сундуком, в углу.

Она принесла короткий меч в старых кожаных ножнах. К ножнам был пристёгнут широкий ремень. Мейра стёрла рукавом пыль с наконечника и положила оружие перед Реном.

— Возьми, — сказал он мне.

Я обхватил рукоять и осторожно вынул клинок. Прямой, с двумя лезвиями и простой крестовиной. На стали возле гарды потемнели пятна, рукоять была обтянута кожей, гладкой от долгого употребления. Кромки сохранили ровную заточку. Я проверил, не шатается ли крепление, чуть повернул кисть, привыкая к весу.

— Раньше брал, когда грузы по дорогам возил, — сказал Рен. — Потом на реке больше работал. Лежит теперь.

Он поправил ножны, чтобы они не свесились со стола.

— Ты меня из реки вытащил. Хочу хоть чем-то отблагодарить. Старый, но послужит. Тебе он в дороге нужнее.

— А тебе?

— Нож у меня есть. А этот давно не ношу. Бери, Леон, тебе отдаю.

Рен кивнул на кобуру у меня под курткой.

— С мечом тут никого не удивишь. Если в дороге придётся защищаться, лишний раз свою вещь не достанешь. Увидят ещё, что она делает, пойдут разговоры. Мейра тебе верно сказала.

Я вернул меч в ножны, расправил ремень и подогнал его по себе. Мейра придержала ножны, пока я застёгивал пряжку.

— Спасибо, Рен.

Он кивнул и подтянул к себе чашку. Мейра убрала лампу от края стола, я забрал меч вместе с ремнём и отнёс в свою комнату.

В комнате под лестницей я закрыл дверь и положил сумку на подстилку. За стеной звякнула посуда, Рен попросил воды. Вскоре шаги стихли.

Я сел на лавку. В ноге тянуло после удара о камень, бок болел сильнее, чем утром. До рассвета оставалось достаточно времени на сон.

Перед тем как лечь, я открыл на телефоне снимок площадки. Увеличил край камня возле колонны. Из-под травы выглядывали неглубокие борозды, но по этому кадру нельзя было понять, следы ли это инструмента или вырезанные знаки. Саэр счищал с них землю и снимал отпечаток. Если сохранил бумагу, завтра я смогу её увидеть.

Я погасил экран, убрал аппарат к футляру и застегнул сумку.

За стеной ещё раз стукнула палка Рена. Потом дом затих. Я улёгся так, чтобы не давить на ушибленный бок, и закрыл глаза. Утром нужно было ехать в Тальвен.

Глава 4. След переправы

Меня разбудили голоса за дверью. Мейра говорила вполголоса; Рен отвечал чуть громче, и иногда их разговор прерывался звоном посуды. Я лежал с закрытыми глазами, различая смысл раньше, чем успевал вслушаться в сами слова.

Я открыл глаза. Надо мной темнели деревянные балки, в щели между ставнями пробивался ранний свет. За годы разъездов я привык просыпаться под чужими потолками. Несколько секунд ещё ждал, что за стеной загудит вода в трубах или по коридору прокатят тележку с завтраками.

Я вспомнил ночной мост и траву, проступившую сквозь мокрый бетон. Потом два солнца над долиной и две расходящиеся тени у ног. Спутниковый телефон тогда так и не нашёл сеть. Я всё ещё не знал, есть ли Земля где-то за здешними звёздами или переход унёс меня туда, откуда её вообще нельзя увидеть.

Я повернулся на спину и осторожно вдохнул. Рёбра болели, но после сна двигаться стало легче.

Сумка лежала у изголовья. Я проверил застёжку, надел куртку и подтянул ремень ножен, устраивая меч Рена у левого бедра. Пистолет остался под курткой, пустой и бесполезный для стрельбы. Показывать его ещё кому-нибудь я не собирался.

Мейра встретила меня у печи.

— Ешь, пока горячее. Скоро выезжаем.

На столе лежали хлеб и кусок мягкого сыра. Рядом стояла чашка с горячим настоем. Я сел, удерживая сумку между ног. Рен устроился на лавке, положив больную ногу на низкую скамью. Мейра оставила возле него кувшин с водой и накрытый горшок с едой. Палка стояла у стены, под рукой.

Пока она запрягала лошадь, я проверил повязку. Отёк за ночь немного спал. Рен опёрся на палку и сам переставил скамью, чтобы удобнее было дотянуться до стола.

— Поезжайте, — сказал он. — Со мной ничего не случится.

Я вынес вещи, снял с ветки у навеса несколько спелых плодов и положил в пустой ящик, как просила Мейра. Потом мы вдвоём провели телегу через ворота. Рен остался у открытой двери, опираясь на палку. Я поднял руку на прощание.

У моста ждали ещё две повозки. В первой лежали пострадавшие от вчерашнего нападения; над кузовом натянули плотную ткань. Вторая была нагружена мешками и бочонками. Возле неё спорили о том, какой дорогой ехать после перевала.

Келлан стоял у ворот с двумя стражниками. Одного я узнал: он остановил нас вчера у моста. Сегодня вместо яблока держал за повод лошадь, а к седлу прикрепил копьё. Напарник подтягивал ремень под седлом.

— Терен, до мельниц езжайте по верхней дороге, — сказал Келлан. — Внизу после дождя не пройдёте. Сразу узнаете, кого из раненых там можно оставить. Остальных везите дальше.

Терен кивнул. Келлан подошёл к нашей телеге.

— Рен дома остался?

— Ему лучше пока ногу поберечь, — ответила Мейра.

Келлан кивнул. Я уселся на задний край телеги, и он поймал мой взгляд.

— В Тальвене с Тереном зайдёшь к караулу. Он тебя проводит.

— Зайду.

Я ехал туда, куда собирался. Двое стражников знали дорогу, а конь и свободное место на повозке позволяли сберечь силы. Пока такой порядок меня устраивал.

Мейра тронула поводья. Колёса загрохотали на каменном мосту.

За рекой уже светлели вершины деревьев. Внизу, под аркой, стоял туман; из него поднимались тёмные камни, и вода ударялась о них с глухим тяжёлым шумом. Я обернулся. Над стеной Лаэра открывались ставни. К воротам шли двое с корзинами, у караульного дома ещё горел фонарь.

Чуть выше по склону виднелся дом Мейры. Снаружи он ничем не отличался от соседних. Я запомнил поворот улицы и место, где за крышей выступало дерево с прозрачными сердцевинами цветов. Потом дорога ушла за холм, и поселение скрылось.

***

До полудня поднимались почти без остановок. Лошадей берегли: на крутых участках я шёл рядом, снова забираясь в телегу, когда дорога становилась ровнее. Разговоров было мало. В первой повозке время от времени просили воды. Погонщик передавал назад чашку, Мейра останавливалась, пока раненый пил.

Терен ехал впереди, его напарник держался позади последней телеги. На открытых местах они сближались, у леса снова расходились. Я следил за ними, отмечая, где всадник исчезает за поворотом и сколько времени ему нужно, чтобы вернуться. Оба смотрели на дорогу, прислушивались, не оставляли повозки далеко за спиной.

Лес менялся по мере подъёма. Стволы становились светлее, местами почти белыми. Где-то сбоку послышался тихий звон. Я оглянулся, решив, что звякают железные кольца на ремнях у лошадей, но звук шёл от деревьев.

На стволах висели узкие полоски синеватой коры. Ветер приподнимал их края, и они ударялись друг о друга. Я остановился у ближайшего дерева и коснулся одной полоски. Она была сухой и твёрдой, с гладким загнутым краем. Когда я отпустил её, она дрогнула и тихо звякнула о соседнюю.

— У вас таких деревьев нет? — спросила Мейра.

— Не встречал, — ответил я и догнал телегу.

За деревьями потянулись белые уступы. На них росла низкая трава с тёмно-синими метёлками. Когда над склоном проходило облако, синее становилось почти чёрным. Мейра дала лошади обогнуть крупный камень, и между двумя уступами открылась дальняя долина.

Я придержал борт и остановился.

Горы стояли одна за другой, светлые у нас и густо-фиолетовые вдали. Между ними лежало озеро. Его берега расходились длинными узкими заливами, а посередине поднималась скала с плоской вершиной. Сверху свисали зелёные полосы, исчезавшие в воде. Над скалой кружили птицы; отсюда их можно было различить только по коротким вспышкам белого.

Ни одной дороги к озеру я не увидел.

Мейра придержала лошадь и обернулась.

— Устал?

— Нет.

Я ещё несколько мгновений смотрел вниз, потом догнал телегу.

На заданиях с такой высоты я прежде всего искал бы подходы к зданию, посадочную площадку, место для наблюдения. Здесь взгляд всё равно находил удобные тропы и укрытия, но возвращался к зелёным полосам на скале. Мне хотелось спуститься к воде и посмотреть вблизи, что там растёт.

Я сел на борт. Под курткой стукнулся о бедро футляр, и я поправил сумку. До озера сейчас было не добраться. Впереди ждал землемер, который видел место моего появления раньше меня.

На перевале нас догнал Терен.

— Дальше вниз. Тормозной брус не убирай, — сказал он Мейре. — У последнего поворота камни на дороге.

Я перешёл вперёд и помог ей опустить брус за колесом. Она показала, как его удерживают ремнём на нужной высоте. На спуске дерево скребло по камню, не давая телеге разогнаться. Я придерживал свободный конец ремня, пока не выехали на ровный участок.

До мельниц добрались ещё засветло. Одно солнце уже скрылось за хребтом, второе ещё освещало крыши. Здесь река текла по широкому каменному ложу, разделённому на несколько рукавов. Колёса мельниц медленно вращались в узких протоках; к одному подвели воду по деревянному жёлобу над дорогой.

Мы въехали во двор с длинным навесом. Из дома вышла эльфийка в мучной пыли, переговорила с Мейрой и позвала помощников. Первую повозку подвели прямо к крыльцу. Раненых принялись переносить внутрь.

Терен помог вынести Ивена. Тот узнал меня и приподнял руку, не отпуская края одеяла.

— Ступнёй шевелить можешь? — спросил я.

Он кивнул.

Мейра задержалась возле него, проверила, как лежат дощечки, и пошла договариваться о еде. Я остался разгружать коробки, которые нужно было оставить здесь. За место под навесом и горячий ужин она рассчиталась своими деньгами. Я сказал, что верну, когда разберусь со здешней платой.

— Утром с грузом помоги, — ответила она. — Остальное потом.

В доме теснились прибывшие с границы. Возле печи сушили одежду, на столах резали хлеб. Мальчик со вчерашней повозки сидел у матери на коленях и пытался накормить её со своей ложки. Она послушно открывала рот. Никто не обсуждал, надолго ли они здесь останутся.

За ужином стемнело. Я вышел к реке и вымыл руки. На другом берегу, между корнями, светились тонкие голубые полосы. Я сперва решил, что это отражение из окон. Я заслонил глаза от света ближайшего окна, и голубые полосы стали виднее. Они тянулись по влажному камню, местами скрываясь под водой.

— Здесь он всегда такой, — сказала Мейра за спиной.

Я обернулся. Она принесла пустое ведро, присела у воды и подождала, пока по течению пройдёт ветка.

— Камень светится?

— То, что на нём растёт. Днём не видно.

Я наклонился ближе. Голубой свет лежал на берегу неровными пятнами, обводил тонкие мокрые корешки. От воды тянуло холодом. Над нами шумело мельничное колесо; вода срывалась с лопастей и разбивалась о камни.

Мейра наполнила ведро и поднялась. Я взял его у неё, прежде чем она успела возразить.

До навеса вернулись вместе. Терен сидел у прохода, положив копьё на колени. Он показал мне свободное место рядом с мешками. Отсюда я видел выход во двор и повозку с нашими вещами.

Сумку я положил под голову. Среди чужих голосов и звуков воды вскоре начал различать дыхание спящих. Я дождался смены стражников и уснул.

***

На следующий день поехали вдоль реки. К дороге примыкали поля, заброшенные участки встречались всё реже. Возле домов копались в огородах, чинили ограды, перегоняли скот. Иногда работа прекращалась, пока наши повозки не проезжали мимо. Из-под ткани

на первой телеге виднелась перевязанная рука; незнакомые хозяева дворов смотрели на неё молча.

После полудня показался Тальвен.

Он занимал широкий склон над рекой. Нижние дома стояли на каменных столбах, между ними проходили настилы. Выше поднимались светлые стены и красноватые крыши. Между домами росли деревья с широкими кронами. Под их ветвями узкие улицы уходили в тень. Над верхним ярусом виднелась квадратная башня.

Терен подождал нас у развилки и повёл к нижним воротам. Первая повозка свернула к большому дому за стеной. Мы остановились перед проездом: впереди уже стояли телеги, несколько всадников и тянувшаяся вдоль стены очередь пеших.

— Ждите здесь, — сказал Терен.

Его напарник остался возле последней повозки. Сам он спешился и пошёл к воротам.

Мейра приподнялась на сиденье, пытаясь рассмотреть очередь. Из-под арки послышались команды. Она снова села и крепче перехватила поводья.

Из арки вышел стражник и велел всем отойти к стене. За ним показались всадники.

Передний всадник остановился возле нашей телеги. Под аркой ещё гулко отдавался цокот подков, а я уже смотрел снизу вверх на широкую грудь, закованную в тёмную сталь. Конь под ним был тяжёлый, с толстой шеей и коротко подрезанной гривой.

Нагрудник обхватывал торс огромного воина; над его верхним краем поднималась короткая мощная шея. На скулах кожа отливала густой сиренью, под челюстью темнела до сливового цвета. Светлый рубец пересекал щёку и обрывался возле рта. Из-под тяжёлых надбровий смотрели небольшие тёмные глаза. Всадник повернулся к очереди, и рубец натянул кожу возле рта. На виске блестел пот; в чёрной щетине на подбородке застряла дорожная пыль.

— Зейры, — сказала Мейра.

Я обернулся. Мейра выпрямилась на сиденье, подав плечи вперёд. Лицо пошло красными пятнами, губы разомкнулись, но слова не вышли. Грудь резко поднялась; выдохнуть сразу не получалось. Пальцы вцепились в край сиденья. Мейра смотрела на всадника так пристально, что я видел, как у неё дрожит нижнее веко.

— Чтоб вы все сдохли, — прошептала она.

Она подалась вперёд и замерла, упершись коленом в доску. Рот скривился, ноздри раздулись. Я коснулся её локтя. Мейра резко повернула голову; на мгновение мне достался тот же взгляд. Потом она посмотрела на мою руку, отвернулась и медленно села глубже. За поводья взялась обеими руками, с такой силой, что кожа скрипнула.

Я вспомнил рассказ Рена о её погибших родителях. Вчера Мейра говорила о дороге, мешках, плате за ночлег. Теперь ей приходилось сидеть в нескольких шагах от вооружённых зейров и ждать, пока перед ними очистят дорогу.

Зейр у нашей телеги поправил повод, и конь чуть отступил. От движения плеча на доспехе скользнули узкие пластины, закрывавшие руку; металл негромко звякнул. Всё было пригнано точно по телу. На плечах шёл мелкий узор, края щита у седла охватывала гладкая стальная полоса. Длинный меч лежал вдоль бедра в потёртых ножнах. На запястье покачивался короткий хлыст.

Следующий всадник выехал из тени арки в свет.

Пластины его доспеха были почти белыми. Молочная эмаль покрывала выпуклый нагрудник и широкие наплечники; по краям тянулась тонкая золотая отделка. На нагруднике переплетались чеканные линии, сходившиеся к поясу. Когда он поворачивался в седле, под сплошной на вид поверхностью расходились узкие подвижные пластины. Свет ложился на них поочерёдно, стекая с плеч на руки.

Поверх брони был наброшен длинный светлый плащ с тёмно-красной подкладкой. Край плаща лежал позади седла; при каждом шаге лошади показывалась алая подкладка. У ключиц

плащ держали две золотые застёжки, каждая размером с ладонь. По белым ножнам у бедра шёл тот же тонкий узор, что и по доспеху. Перчатки плотно обтягивали пальцы; поверх правой поблёскивало кольцо с плоским тёмным камнем.

Он был почти так же широк, как воин с хлыстом. Броня подчёркивала тяжесть груди и плеч, но сидел он свободно, откинувшись чуть назад. Чёрные волосы были гладко убраны за уши и перехвачены на затылке тёмной лентой. Под прямым тяжёлым носом чётко выделялся рот; на гладко выбритом подбородке не было ни следа дорожной пыли. Солнце осветило скулу, край века и тёмно-медную радужку. Я успел рассмотреть его лицо, пока он смотрел мимо нас, на верхнюю улицу.

Ещё двое вооружённых зейров держались позади. Они сразу остановились, когда замедлился всадник в белом. Один отвёл коня в сторону, закрывая к нему подход от очереди.

Зейр в светлом доспехе перевёл взгляд на нашу телегу. Скользнул по мешкам, потёртой ткани, по лицу Мейры. Она застыла, глядя ему прямо в глаза. Он уже смотрел дальше, туда, где стражники раздвигали повозки. На её лице ещё дрожала ненависть; на его не изменилось ничего.

У стены задвигались. Носильщик с двумя связками хвороста пытался протиснуться между бочонком и телегой. Одна связка зацепилась за колесо. Он потянул сильнее, рассыпал ветки и наклонился их собирать, оказавшись перед лошадью зейра с хлыстом.

— Прочь, — бросил зейр, не натягивая поводьев.

Носильщик прижался к колесу, но не успел убрать руку. Лошадь шагнула вперёд. Я перегнулся через борт, схватил эльфа за рубашку и вытащил из-под копыт. Он ударился плечом о телегу, уронил остатки связки и присел у стены.

Хлыст свистнул над его головой. Я успел втянуть руку; ремень с сухим треском ударил по борту. Носильщик вжался в стену и закрыл голову руками. Рассыпавшиеся ветки лежали у самых копыт. Зейр снова поднял хлыст.

Я спрыгнул рядом с носильщиком и встал перед ним. Всадник перевёл взгляд на меня. Вблизи я увидел, насколько крупны его кисти: рукоять хлыста почти целиком скрывалась в ладони.

— Убери хлыст, — сказал я.

Зейр задержал взгляд на моих ушах и прищурился. Хлыст он перехватил короче. Лошадь послушно шагнула ко мне; над лицом повисла её тяжёлая морда, пахнуло тёплым потом. Всадник ждал, когда я отступлю.

Я стоял у переднего угла телеги. Справа оставалось место, чтобы шагнуть под его руку; с такой дистанции ему было бы неудобно вытаскивать длинный клинок. Мой короткий меч висел у бедра. Я опустил ладонь рядом с рукоятью и смотрел ему в глаза.

Терен протиснулся между повозками и взялся за повод лошади зейра с хлыстом. Я увидел, как побелели костяшки его пальцев.

— Отведите лошадь от повозки, — потребовал он у всадника. Голос оставался ровным, но повод Терен не отпускал.

— Оставь.

Всадник в белом доспехе произнёс это негромко, почти рассеянно. Он поправлял край перчатки под кольцом и даже не повернулся к носильщику. Взгляд его оставался на верхней улице, куда всё ещё не пускали повозки.

Слова прозвучали на другом языке. Я услышал непривычное сочетание звуков и всё же понял приказ сразу. Зейр с хлыстом повернул голову.

— Нас ждут. Поехали.

Всадник в белом подал коня вперёд. Проверять, послушаются ли его, он не стал.

Зейр с хлыстом ещё мгновение смотрел на меня, затем потянул повод в сторону. Терен разжал пальцы, пропуская лошадь, и отступил к носильщику. Я убрал руку с ремня.

К зейру в белом доспехе подошёл начальник городского караула. Остальные стражники уступили ему место. Он остановился возле лошади, посмотрел на след хлыста и перевёл взгляд на её хозяина. Пауза затянулась. Только потом начальник поднял голову к посланнику.

— Посланник Севран. Ваше сопровождение готово. До дорожного двора поедете с ним.

Севран окинул взглядом двух приготовившихся ехать с ним копейщиков. Бровь чуть приподнялась.

— Хотелось бы успеть до следующего скопления повозок.

По-эльфийски он говорил свободно; каждое слово произносил неторопливо и отчётливо.

— Полагаю, вы предупредите своих стражников.

Начальник жестом подозвал сопровождающих и указал им дорогу. Зейры тронулись вверх по улице. Копейщик у ворот проводил их тяжёлым взглядом, сжав копьё обеими руками. Начальник негромко велел ему проверить следующие повозки. Тот ответил коротким кивком и вернулся к проезду.

Терен проводил посланников взглядом, затем нагнулся помочь носильщику. Тот пытался стянуть ветки верёвкой, но пальцы дрожали, узел распускался. Я забрал свободный конец и связал ношу. Эльф прижал её к груди, хрипло поблагодарил нас и заторопился прочь, стараясь не смотреть на верхнюю улицу. На шее у него краснела полоса: ткань впилась в кожу, когда я выдернул его из-под копыт.

Мейра ждала у телеги. Когда я забрался на борт, она придвинулась, но заговорила, по-прежнему глядя вслед зейрам:

— Я бы задушила его этим хлыстом.

Голос был хриплый. На ладонях от поводьев остались красные полосы; она потёрла одну большим пальцем и вдруг стиснула зубы так, что на щеке выступила мышца.

— Вытащить из седла. Чтобы тоже в пыли полежал.

По улице ещё слышались подковы. Я видел над головами прохожих светлый плащ и золотой край наплечника. Возле него шагали два городских копейщика.

— И ведь к королю их поведут, — сказала Мейра. — Встретят. Накормят. Уложат спать.

Терен вёл свою лошадь рядом с нами. Он слышал Мейру. Оглянулся на дом, куда увезли раненых, затем наклонился к борту.

— Если с посланниками что-нибудь случится, их король пришлёт войско. У нас не хватит сил остановить его у границы. Потому и охраняем этих сволочей.

Он говорил вполголоса, но злость в последних словах уже не сдерживал.

— А завтра они опять чью-нибудь деревню сожгут, — сказала Мейра.

Терен молчал. Мимо протиснулся работник с пустыми носилками, и ему пришлось податься к телеге, пропуская.

Терен повернулся ко мне.

— Хорошо, что мне не пришлось тебя останавливать.

Он отступил от телеги и велел погонщикам двигаться дальше.

Под аркой мы ехали молча. Мейра смотрела перед собой, часто моргая. Когда очередь снова остановилась, она потянула ткань рубашки от шеи, будто ей стало трудно дышать.

— Мейра, — негромко позвал я.

Она мотнула головой.

— Дай мне минуту.

Мы ждали, пока впереди разгрузят проход. Она убрала руку от шеи и провела ладонью по лицу. Дыхание всё ещё сбивалось, но, когда стражник показал следующий поворот, она направила туда лошадь с первого движения. Губы оставались стиснуты.

Терен придержал нашу лошадь у бокового проезда. Позвал напарника помочь Мейре довести повозки до склада, а мне показал на дверь караульного дома. Я сошёл. Зейр уже уехал,

хлыст больше никому не угрожал; продолжать столкновение мне было незачем. Теперь требовалось выполнить условие Келлана и найти Саэра.

***

В караульном доме Терен передал запись Келлана и объяснил, откуда пришли повозки. Старший больше спрашивал о раненых, чем обо мне: сколько осталось у мельниц, кто смог идти сам, откуда ждать следующих. Я слушал, пока он заносил сведения в раскрытую книгу. Проходившие мимо двери стражники всё ещё обсуждали посольство; стоило старшему поднять голову, голоса смолкали.

Дойдя до моего имени, старший перестал писать. Разглядел уши, одежду, задержался на мече. На вопрос о ночлеге я сказал, что приехал с Мейрой и намерен найти землемера Саэра. Терен подтвердил, что она за меня поручилась, а Рен остался дома с повреждённой ногой. Только тогда перо снова заскрипело по странице.

— Погостишь у дорожного двора. Только из города пока не уходи.

Он поднял на меня глаза, дожидаясь кивка.

— Сначала зайдёшь сюда, скажешь куда и с кем.

Это оставляло мне время на поиски и не давало свободы исчезнуть. Я согласился. Когда мы вышли, Терен объяснил дорогу до склада Мейры, дождался, пока я найду нужный поворот, и вернулся к воротам.

На улицах было тесно. Между домами тянули верёвки с тканью, на маленьких площадках стояли кадки с деревьями. Со ступеней перед мастерской били молотками по медному листу. Дальше варили что-то пряное, от котла шёл густой запах трав и жира. На проезжей части оставались следы тяжёлых подков. Возле одного отпечатка в пыли лежала тонкая ветка, сорванная со связки носильщика.

У дорожного двора я остановился.

Одна его сторона была занята гостями. За распахнутыми воротами стояли высокие лошади; эльфийский конюх поливал им ноги водой. Под навесом прислонили щиты. Зейр в дорожной одежде сидел на низкой скамье и смотрел, как слуга счищает пыль с его сапог. Над ним висела свежая белая ткань, закрывавшая от солнца двор.

С другой стороны, возле длинного каменного корпуса, теснились наши повозки. Мейра передавала мешки работнику у двери. Рядом под навесом складывали привезённые бочонки.

Я поднял лежавший у колеса мешок и понёс вслед за остальными. За дверью принимали муку: работник ставил мешки на весы, хозяйка двора сверяла их с заказом. Мейра ждала каждой отметки, прежде чем подать следующий. Она явно устала, но торопить принимающих не пыталась.

Когда закончили, Мейра села на пустой ящик и откинула с лица прядь, прилипшую к виску. На мой рассказ об условии караула она кивнула: ночлег уже нашла, маленькую комнату при складе. Я смогу пожить там, пока выясняю всё о переправе.

— Сегодня с грузом рассчитались, завтра остальное продам и поеду к Рену, — сказала она. — Тебе к тому времени надо решить, куда дальше.

Я поблагодарил и спросил о Саэре. Мейра отодвинула пустой ящик, открывая узкую дверь в конце корпуса. За ней хранили дорожные записи, которые землемер собирал из приграничных селений. Мне следовало застать его до вечера, пока он не ушёл осматривать работы у реки.

Я оставил Мейру складывать ремни и постучал в указанную дверь.

***

За дверью перестала шуршать бумага. Мне велели входить и предупредили о корзине у порога. Я придержал ножны, переступил через свёртки и оказался в длинной комнате, где почти всё место занимали стол и ящики с записями. На каждом ящике стояло название селения.

Саэр поднялся у окна. Высокий, седой, с волосами, собранными на затылке. У красивого узкого рта залегли глубокие складки. Карие глаза быстро оглядели меня, вернулись к ушам; он задержался на них, прежде чем предложить пройти. В правой руке держал ножницы, на большом пальце темнело чернильное пятно.

Я представился, сказал, что пришёл от Рена, и объяснил, чем интересуюсь. Услышав о Верхней переправе, Саэр положил ножницы. Он бывал там с Реном и сразу спросил, почему тот не зашёл сам. Пришлось рассказать о ноге и пропавшей лодке. Я показал на двор, где оставалась Мейра, и Саэр вышел к ней.

Она подошла, вытирая руки о сложенную тряпицу. Я стоял у двери и слышал, как она объясняла, что Рен остался дома, а меня они встретили у реки. О спасении сказала коротко. Саэр перебил, спросил, может ли старик ходить. Мейра ответила, что по дому с палкой передвигается, и добавила что-то уже тише. Саэр провёл ладонью по лицу. Обратно шёл медленнее, чем выходил.

— Рен всегда выбирает место, где к воде ближе, а выбраться труднее, — проворчал Саэр. Убрал ножницы в коробку, закрыл её и только потом посмотрел на меня. — Спасибо, что вытащил.

Он выдвинул табурет из-под стола.

— Садись. Раз наверху был, покажешь мне, что там осталось.

Он достал из тканевого чехла план склона. Я узнал площадку между двумя колоннами и тропу, по которой спускался. На рисунке обвал выглядел меньше. Я объяснил, где теперь лежат обломки, с какой стороны корни раздвинули кладку и где под плитой видна пустота.

Саэр слушал, наклонившись над бумагой. Он спросил, можно ли провести там лошадь. Я ответил, что сам прошёл, но тяжёлое животное по краю не повёл бы. Чтобы решить наверняка, следовало осмотреть опору снизу. Её я не видел.

Саэр посмотрел на меня поверх плана и коротко кивнул.

— Вот это отметим отдельно. Не дорисовывай то, чего не знаешь. Покажи сам разлом.

Он подвинул чистый лист и отыскал уголёк с заострённым краем.

Я взял предложенный уголь. Пока рисовал, Саэр находил свои старые замеры и накладывал один лист на другой, совмещая колонны. Я поправил положение дерева у края площадки. Он поднёс план к окну, провёл пальцем по линии, которая теперь должна была оборваться над склоном, и тяжело выдохнул.

— Нижнюю часть ещё держало, когда я уходил. Значит, вода добралась под корни.

Он начал разбирать остальные листы. Кроме плана здесь были рисунки стен и отпечатки надписей. На одном сохранилась прямоугольная рамка, окружённая короткими строками. Верхнюю я прочёл сразу: «Дом переправы».

Знаки отличались от вывесок Лаэра. Короткие угловатые черты соединялись по две и по три, иногда один знак входил внутрь другого. Мне не понадобилось угадывать. Я знал, где кончается слово и что оно означает. Саэр тем временем расправлял отпечаток, объясняя, что это старое письмо и что часть надписи на камне обломилась.

Я оставил уголь возле своего рисунка и слушал. Вслух ничего читать не стал. Новое знание оказалось шире, чем я успел заметить, но выяснять его пределы при незнакомом землемере не собирался.

Ниже названия шли имена хранителей. Несколько можно было прочесть целиком, от остальных сохранились начала. Саэр указал на длинную трещину, проходившую через строки, и рассказал, как пришлось откапывать край плиты. Затем вернул передо мной общий план.

— Здесь я надеялся найти старую дорогу. Обход вышел бы короче нынешнего. Только колонны всё испортили.

Я посмотрел на две опоры, стоявшие почти рядом.

— Для моста между ними слишком мало места. И к реке от них не спустишься.

— Вот именно. Я искал, не осталось ли наверху русла. Не нашёл. Зато на внутренней стороне колонны увидел фигуру. С трудом разобрал, что у неё в руке.

Он положил поверх плана отдельный рисунок. Между колоннами оставалось пространство чуть шире двери. Сбоку, у края одной опоры, стояла маленькая фигура с поднятой рукой. Рядом Саэр увеличил истёртую деталь.

Я придержал загнувшийся угол листа.

В руке был изогнутый предмет с утолщением посередине. Каменную сердцевину обхватывала оправа; над нею выступал короткий край металла. Именно за такой выступ я брался, когда освобождал пластину в лаборатории. Здесь он был нарисован в той же стороне, под тем же углом.

Под рисунком стояло: «Ключ хранителя».

Я ещё раз посмотрел на маленькую фигуру, затем на увеличенную деталь. Предмет в моей сумке был повреждён, камень треснул. На рисунке сердцевина оставалась целой. Я помнил каждый изгиб оправы после того, как осматривал её у Мейры, и узнавал их на бумаге.

Под большим пальцем появилась складка. Я ослабил хватку, расправил край листа. Если здесь знали эту вещь, могли знать и способ заставить её работать.

— Про этот ключ ты что-нибудь нашёл? — спросил я.

Саэр потянулся к полке ещё до того, как я закончил вопрос. Заговорил быстрее: рисунок давно не давал ему покоя. Раньше, среди привезённых записей, он видел похожую вещь. После поездки с Реном вернулся к тем листам и решил сравнить.

Он принёс с полки тонкую связку. К старой бумаге по краям пришили новые полосы, чтобы страницы можно было переворачивать, не повреждая. Саэр нашёл нужную и положил рядом с рисунком колонны.

Здесь предмет был изображён целиком. Другой мастер обвёл оправу тонкими линиями и заштриховал камень. У основания виднелись крепления. Я придвинул лист ближе к свету, сверяя их одно за другим. Саэр замолчал, давая рассмотреть; я заметил это только тогда, когда он придержал обложку, чтобы она не закрылась.

Саэр показал совпадающие детали, затем пояснил происхождение листа. Это была копия страницы из старого списка королевского имущества. Внизу указывалось, откуда предмет поступил в хранилище дома Арвель. Дальше шла ссылка на другую книгу. Само назначение ключа на странице не объяснялось.

Я прочёл пометки на полях. Номера листов, имя места, из которого привезли находку, и запись о передаче. Всё это могло привести к следующему документу. Главное я уже видел: предмет, ради которого пришлось пробиваться из лаборатории, изобразили здесь задолго до моего появления. На камнях, возле которых закончился переход, держали в руках такой же ключ.

Мне хотелось разложить рядом камень и осколок, спросить обо всём сразу. Я оставил сумку у ноги. Попросил разрешения скопировать рисунок и спросил, где можно посмотреть книгу целиком.

Саэр кивнул, разрешая снять копию. Старый лист придерживал ладонью.

— В королевском хранилище, — ответил Саэр. — Если её после последнего переезда не переложили в другую связку. У меня только этот лист. Даже его пришлось долго добиваться.

Я выписал ссылку на свободном краю своего рисунка. Саэр следил за рукой. Когда я ещё раз проверил номер, он отодвинул раскрытую книгу подальше от угольной крошки и подвинул мой табурет ближе к окну.

— С улицы туда не войдёшь. Дорожный мастер короля может выяснить, где лежат остальные записи. Он пользуется этими книгами, когда проверяет старые пути. Он сейчас в Тальвене, готовит поездку с помощью для пограничных деревень. Утром они выезжают.

Саэр показал через окно дальнюю часть двора. Там стояли повозки с одинаковыми пометками на бортах; возле них мерили ткань и укладывали бочонки. Он должен был передать мастеру свои записи об обходной дороге. Часть ещё не закончил: не хватало сведений о свежем обвале.

Теперь я понимал, почему он так подробно расспрашивал о площадке. Ему был нужен проходимый путь для груза. Мне был нужен тот, кто знал королевские книги. Я предложил сначала закончить план склона, а потом снять копию ключа. Саэр взглянул на стопку недописанных листов и освободил мне место рядом с собой.

Мы освободили стол. Я нанёс тропу и спуск, отметил места, где проходил сам, а там, где смотрел сверху, сделал отдельные пометки. Расстояния оставил приблизительными. Саэр добавлял свои замеры. Когда наши линии не сходились, мы возвращались к рисунку колонн и выясняли, с какой стороны я видел камень.

Он спросил, приходилось ли мне раньше снимать планы. Я ответил, что рисовать местность умею. Этого пока было достаточно: Саэр продолжил работу и не стал расспрашивать о занятиях, которые привели меня к такому умению.

К концу разговора свет из окна пожелтел. На столе лежали новый план и чистый лист с изображением ключа. Я скопировал подпись, пометку о доме Арвель и ссылку на нужную книгу. Саэр дал ещё бумаги и уголёк, чтобы было чем делать записи в пути.

Затем он написал несколько строк дорожному мастеру. Рекомендовал выслушать мои сведения о переправе и посмотреть рисунок. Я видел текст: ни слова о моём происхождении и никаких обещаний за меня. Только то, в чём он успел убедиться сам.

— Утром найдёшь его во дворе, возле повозок, — сказал Саэр, складывая письмо. — Про хранилище спросишь. Помочь может, но за него я не решаю.

Я поблагодарил и принял письмо. Саэр уже собрал старые листы, но, заметив, что я опять смотрю на изображение целого камня, не сразу накрыл его тканью. Дал ещё раз рассмотреть и только потом завязал чехол.

— Про прежних хозяев переправ я тебе мало расскажу. Я дороги меряю. Сперва разыщем записи, тогда и станет яснее, что здесь было.

Мы вышли к двери вместе. Во дворе опять подавали лошадей зейрским сопровождающим; один из слуг бежал за ними с забытым плащом. Саэр проводил меня до повозки Мейры и вернулся к своим листам.

***

Мейра договорилась для меня о маленькой комнате при складе. Хозяйка показала узкую постель и место для вещей.

К ужину за окном стемнело. Я рассказал Мейре о Саэре и завтрашнем разговоре с дорожным мастером. Она слушала, опершись подбородком на ладонь, и время от времени прикрывала глаза. За весь день я впервые видел её без дела. Когда спросил о возвращении, она выпрямилась: завтра закончит торговлю и поедет к Рену.

Вернувшись к себе, я поставил лампу на полку, закрыл дверь на задвижку и положил футляр на пустой ящик.

Крышка по-прежнему держалась плохо. Я раскрыл её, убрал ткань и разложил рядом рисунок.

Линии у меня вышли грубее, чем у старого мастера. Но изгиб совпадал, сердцевина находилась там же. Я повернул пластину боком и увидел тот самый выступ над камнем. Потом сверил ещё раз, уже не торопясь. Сомневаться больше не приходилось.

Я сел на край постели, держа рисунок перед собой. За стеной Мейра разговаривала с хозяйкой, потом их голоса стихли. Я представил, что снова поднимаю голову к знакомому небу и вижу одно солнце. Затем положил лист рядом с футляром и повернул камень трещиной к свету.

На Земле мне велели забрать предмет. Здесь сохранилось его изображение, сделанное задолго до лаборатории, охраны и моего задания. Под изображением стояло название: «Ключ хранителя».

Я посмотрел на трещину. Отдельный осколок лежал в ткани. Подносить его к сердцевине и пытаться прижать на место я не стал. Сначала нужно было прочесть остальную запись.

Футляр я убрал в сумку. Письмо Саэра спрятал во внутренний карман. Рисунок пока оставил у лампы.

На бумаге каменная сердцевина была целой.

Глава 5. Королевский груз

Сайлас дочитал письмо Саэра и положил его поверх карты.

— План склона остался у Саэра?

Я показал на дверь в дальнем конце двора.

— Он хотел сверить его со своими записями.

— Сейчас принесут. Садись.

Дорожный мастер короля снял со скамьи плащ. Это был крепкий эльф со светлыми, коротко обрезанными у висков волосами. Старый ожог стянул кожу на щеке к уху; когда он поворачивал голову, край рубца скрывался под воротником. На рукаве держались свежие щепки, пальцы были испачканы смолой. Он успел поработать ещё до моего прихода.

Я сел так, чтобы видеть въезд. Во дворе подавали лошадей, затягивали ремни на повозках, перекликались у весов. На крышках ящиков повторялся знак со знамени над воротами. Работник с доской на плече обошёл наш стол; Сайлас окликнул его и велел принести от Саэра листы.

Письмо осталось между нами. Вчера я несколько раз перечитал имя мастера, прежде чем убрать бумагу во внутренний карман. Саэр считал, что этот эльф сможет помочь с поиском книги. Сам Сайлас пока интересовался только дорогой.

— Ты видел обвал у южной колонны?

— Видел. Снизу ещё можно пройти. Выше корни раздвинули кладку, край плиты висит над склоном.

— С грузом там можно проехать?

— Я бы не пускал туда повозки, пока не проверят опору снизу.

Сайлас развернул карту.

— Покажи, где ты спускался.

Я нашёл площадку между колоннами, провёл пальцем вдоль тропы к реке. Объяснил, где лежат обломки и откуда видел пустоту под плитой. О размерах говорил приблизительно: расстояние я не измерял.

Когда принесли бумаги, мастер разложил мой рисунок рядом с картой. Сверил положение дерева, переспросил о разломе. Убедившись, что я описываю то же место, достал шнур с узлами и деревянную линейку.

— Замеры снимать умеешь?

— Умею.

Он попросил измерить расстояние от стены до навеса и нанести этот участок двора на бумагу. Я сверил узлы шнура с делениями на линейке и принялся за работу. Сайлас смотрел, как я выбираю точки отсчёта, потом сам проверил одно из расстояний. Сравнил его с моей записью и убрал лист к картам.

— Сегодня везём помощь в Орнель. Там разместили семьи из разорённых деревень. Короткий путь закрыт, идём верхней дорогой. Мне нужен помощник: проверять размытые участки, мерить ширину проходов. Возьмёшься?

Он показал маршрут. Дорога уходила от Тальвена к лесу, поднималась к заставе и дальше спускалась в сторону границы. Саэр помог мне познакомиться с Сайласом; работа позволяла задержаться рядом с ним, разобраться, как он связан с королевским хранилищем. К тому же мне нужны были местные деньги. Я хотел расплатиться с Мейрой и сам платить за ночлег.

— Сколько времени займёт поездка?

— До Орнеля с повозками два дня. Там разгрузка и работа, потом два дня обратно. Рассчитывай на пять-шесть дней, если дорога не задержит. Едой обеспечу, за каждый день заплачу. Замеры будешь делать со мной. В незнакомые места один не уходи.

Мы договорились об оплате. Я ещё раз посмотрел на маршрут и согласился ехать.

— Только перед выездом мне нужно зайти к городской страже. Меня вчера предупредили.

— С кем говорил?

Я описал старшего. Сайлас узнал его, написал записку и приложил письмо Саэра. Работнику велел передать, что берёт меня помощником и отвечает за меня до возвращения.

Пока ждали разрешения, я помог закрепить доски на последней грузовой повозке. Работник пропустил под ними ремень и затянул узел. У ворот протрубили. Сайлас отложил бумаги; во дворе перестали перекликаться.

Первыми въехали всадники в кольчугах, с копьями у стремян. На плечах лежали синие плащи, у седла каждого висел щит со знаком королевского дома. Двое остановились возле ворот, остальные разошлись вдоль стены. Следом показались четверо рыцарей. Их доспехи закрывали руки и ноги, стальные пластины плотно сходились на груди. На ножнах и ремнях темнели потёртости.

Между рыцарями ехала эльфийка на серой лошади. Светло-голубые волосы были заплетены в длинную косу, лежавшую поверх светлого нагрудника. Несколько прядей выбились у висков. Когда она повернула голову, солнечный свет коснулся её лица: светлая кожа, высокие скулы, тонкая переносица и мягкие губы. Из-под волос показывались длинные заострённые уши. Но сильнее всего мне запомнились её глаза — глубокие, ясные, ярко-синие.

Она сидела в седле прямо и уверенно. Лёгкий доспех подчёркивал её стройную фигуру и узкую талию. В ней было что-то одновременно изящное и собранное, и от её красоты мне на мгновение стало трудно думать о чём-либо ещё.

Я успел привыкнуть к красоте эльфов, но от неё всё равно не мог отвести взгляд. Следил, как она держит голову, как чуть сдвигает брови, всматриваясь во двор, где собрались работники и гвардейцы. Хотелось увидеть, как изменится её лицо, если она улыбнётся. Я заставил себя отвести взгляд только тогда, когда понял, что смотрю слишком долго.

На лёгком нагруднике повторялся знак, который я видел над воротами и на щитах сопровождения. Она придержала поводья, давая работнику поставить доску у стены.

— Наследница, — тихо сказал Сайлас и опустился на одно колено.

За ним опустились на колено работники у повозок и весов, смотритель склада. Даллен снял с плеча мешок, бережно положил на повозку и тоже преклонил колено. Я повторил движение мастера. Никто не окрикнул нас и не стал проверять, достаточно ли низко склонены головы. Я видел лица соседей: они встречали свою наследницу.

Эльфийка остановила лошадь посреди двора.

— Поднимайтесь. Продолжайте погрузку.

Сайлас встал, остальные последовали за ним. Мне пришлось переставить ногу, прежде чем подняться: старый ушиб отозвался в боку. Я уже понимал достаточно, чтобы не принимать непривычность этих порядков за повод их нарушать. Здесь меня знали как приезжего помощника дорожного мастера. Передо мной была дочь короля.

Старший рыцарь проверил дальний конец двора и лишь после этого спешился рядом с ней. Она легко сошла с лошади, передала поводья гвардейцу. Рыцарь остался так, чтобы видеть въезд.

Теперь я рассмотрел её доспех. Светлая сталь плотно сидела по фигуре, не сковывая движения; узкие наплечники и подвижные пластины у предплечий были украшены тонким золотым узором. Знак дома на нагруднике был виден издалека. Под защитой оставалась тёмно-синяя стёганая куртка, ниже — плотные штаны и высокие сапоги для верховой езды. Она свободно подняла руку, поправляя повод у лошадиной шеи.

У левого бедра висел меч в потёртых кожаных ножнах. Рукоять лежала под ладонью. Обходя край повозки, она привычно придержала её, отвела от колеса и отпустила, как только прошла. Я заметил это прежде, чем успел рассмотреть отделку оружия.

За рыцарями остановилась крытая дорожная повозка. Из неё вышла эльфийка с пепельно-светлыми волосами, в дорожном плаще поверх дорогого платья. Она подошла к принцессе и осталась рядом. Пожилой эльф в длинной синей одежде подозвал Сайласа; на груди у него висела серебряная цепь. Мастер обратился к нему как к распорядителю дома Арвель и доложил о грузе. Врач с кожаной сумкой и две служанки ждали у повозки, пока им освобождали место.

Принцесса подошла к мешкам с мукой. Выслушала распорядителя, посмотрела на оставленные под навесом свёртки.

— Ткань тоже едет в Орнель. Почему её оставили?

Работник поклонился, заговорил быстрее: места не хватило, остальные вещи уже закрепили, придётся снимать верхний ящик. Она дослушала, оглядела груз.

— Мой большой ящик оставьте здесь. Ткань заберите. В Орнеле повязки стирают и используют снова.

Распорядитель попытался напомнить о приготовленных вещах для её комнат. Она указала на небольшой дорожный мешок у седла.

— Необходимое у меня есть. Перекладывайте.

— Даллен, помоги, — позвал работник.

От передней повозки подошёл эльф в рубашке с потёртым воротником. Сайлас распорядился переложить груз. Даллен освободил зацепившуюся пряжку, вдвоём с работником снял ящик и поставил его под навес. Принцесса поблагодарила обоих. Даллен склонил голову, затем вернулся к мешкам.

Она повернулась к столу. Я склонил голову и отступил, освобождая ей место возле карты.

Принцесса сняла перчатки, убрала за пояс. У основания пальцев я заметил полоску огрубевшей кожи. Её рука легла на край карты, рядом с рукоятью меча.

— Разведчики вернулись? — спросила она у Сайласа.

Мастер повернулся к старшему рыцарю.

— Сэр Брант, последние сведения у вас.

Рыцарь подошёл к столу. У Бранта были коротко подстриженные светлые волосы; его серые глаза следили за дверями и проходами даже во время разговора. Он не снял перчаток, только подвинул край карты.

— До Каменного лога дорога свободна. Застава получила приказ принять нас на ночь. Разведчики, которых я послал дальше, должны встретить нас там.

Она проследила за его пальцем по карте.

— Значит, выезжаем, как только закончат.

Брант не убрал руку с листа.

— Ваше высочество, я ещё раз прошу вас остаться в Тальвене.

Работник возле нас перестал затягивать ремень. Распорядитель поднял глаза. Она посмотрела на рыцаря; тот продолжил тише, но я стоял достаточно близко.

— Прежний путь закрыт. С грузом до Орнеля теперь два дня. Если там начнётся бой, посыльный доберётся сюда раньше повозок, но собрать отряд и привести его назад быстро не выйдет. Помощь может опоздать.

— Вы считаете, охраны недостаточно?

— Четыре рыцаря и двадцать гвардейцев защитят вас в дороге от небольшого отряда. При нападении большими силами я должен буду вас увезти. Орнель со всех сторон мы этим числом не прикроем.

Он говорил ровно, почти не меняя интонации. На слове «увезти» она чуть приподняла подбородок.

— Дополнительных воинов не выделят?

— С переправы их не снимут. Вчера я получил ответ. Два пограничных поста тоже просили усиления. Это всё, что нам выделили. Если ждать большой отряд, поездку придётся отложить.

Она посмотрела на распорядителя. Тот осторожно коснулся края карты.

— Помощь всё равно доставят, ваше высочество. Я передам наместнику волю короля.

Некоторое время она молчала. Во дворе стукнула о камень железная скоба; работник поспешно поднял её.

— Я обещала приехать, — сказала она. — Там семьи, которых третий раз переселяют с места на место. Я хочу услышать их сама и увидеть, где их разместили.

Брант выпрямился.

— За вашу жизнь я отвечаю перед королём.

— Я это помню. И разрешение на поездку он дал. Вы знаете путь, распоряжайтесь охраной. Если разведчики обнаружат отряд, который угрожает дороге, повернём назад.

— Сразу, ваше высочество. Без задержки ради груза.

Она задержала на нём взгляд, затем кивнула.

— Сразу. Пока дорога свободна, едем.

Распорядитель вытащил сложенный лист.

— Наместник приготовил встречу в своём доме. Приглашены владельцы окрестных земель. Ужин…

— После разговора с врачом и переселенцами, — остановила она. — Меня встречают жители, которым не хватает хлеба и повязок. Отдельного пира для свиты не нужно.

Она посмотрела на лист у него в руке.

— Пусть каждый из приглашённых привезёт сведения о том, сколько семей принял и чем помог. Сколько зерна отпустил, сколько работников послал чинить дорогу. Я хочу знать, кто действительно участвует.

Распорядитель убрал приглашение к остальным бумагам.

— Некоторые из этих господ присылали королю письма с выражением…

— Я читала письма. Мне нужны сведения о помощи.

Она говорила сдержанно, но пальцы сильнее прижали карту к столу.

— За их стенами есть запасы и вооружённая стража. Во дворах накрывают столы, из погребов несут лучшее вино. А женщины уезжают с границы, не зная, чем кормить детей. Кто может помочь и предпочитает ничего не замечать, объяснит мне это сам.

Распорядитель склонил голову.

— Передам, ваше высочество.

Я посмотрел на оставленный ящик, на ткань, которую уже несли к повозке. Принцесса дождалась, пока её уложат.

Рыцарь сдвинул карту к Сайласу и отошёл к своим. Эльфийка с пепельными волосами подала госпоже плащ. Я отвёл взгляд от стола. Мне случалось оценивать охрану по движению одного человека у входа. Здесь проверяли ворота, крыши, подъезды; у её лошади всё время оставался воин. Теперь было понятно, почему при её появлении освободили весь проезд.

Сайлас подозвал меня ближе к столу.

— Ваше высочество, позвольте представить помощника. Леон Кейн, по рекомендации Саэра. Проверил его работу, беру на замеры.

Я снова опустился на одно колено, теперь перед ней самой. Сайлас отступил, давая ей рассмотреть меня.

— Леон Кейн, ваше высочество.

— Встаньте, Леон.

Я поднялся. Теперь я знал и её имя: пока перекладывали груз, распорядитель назвал её Элианой из дома Арвель. Название этого дома я уже видел в списке королевского имущества у Саэра. Я удержал взгляд на её лице, ожидая вопроса.

Её глаза ненадолго задержались на моих ушах, затем опустились к перевязанной ладони.

— Рука позволит работать?

— Да, ваше высочество. Порез неглубокий. Господин Сайлас уже проверил, справлюсь ли я с замерами.

Она посмотрела на шнур и лежавший перед нами рисунок двора. Взгляд смягчился, но распорядитель подошёл с вопросом о ночлеге свиты, и ей пришлось повернуться к нему.

В сумке за моей спиной лежали Ключ и его изображение из списка. Имя Арвель было связано с ними. Я не собирался расспрашивать наследницу посреди погрузки, под взглядом её рыцаря. Работы рядом с Сайласом пока хватало.

У ворот собрались женщины с пустыми корзинами. Одна спросила работника, нельзя ли взять немного муки сейчас: муж не вернулся с границы, дети оставались дома. Говорила негромко, всё пыталась добавить, что потом заплатит.

Элиана услышала и подошла. Брант остановился в нескольких шагах от неё, лицом к воротам. Женщина поставила корзину, опустилась на колено; остальные у ворот последовали за ней.

— Поднимайтесь, — сказала принцесса. — Сколько вас дома?

— Я и двое детей, ваше высочество.

Женщина встала, стиснула ручку корзины. Элиана выслушала её, велела принести хлеб из дорожных припасов и попросила распорядителя записать, где живёт семья. Пока служанка укладывала хлеб, женщина начала благодарить, всё ниже склоняя голову. Принцесса сама протянула ей руку. Та осторожно коснулась её пальцев; Элиана накрыла их ладонью и ответила уже тише. Я не слышал слов. Видел, как она улыбнулась, как исчезло напряжение возле рта. Мне захотелось узнать, какой она бывает, когда ей не приходится торопиться.

***

Разрешение на мой выезд принесли вместе с последними дорожными сведениями. Сайлас убрал его в сумку, письмо Саэра вернул мне. Для записей дал восковую дощечку и заострённую палочку.

— На дороге пиши здесь. Вечером перенесём на бумагу.

Брант просмотрел разрешение, потом письмо Саэра. Разрешение вернул мастеру, письмо — мне.

— Ваш помощник держится возле вас. С разведчиками не уходит.

— За него отвечаю, — сказал Сайлас.

Рыцарь посмотрел на меня.

— Если прикажут остановиться или отойти с дороги, делайте сразу.

— Понял, сэр.

Он задержался взглядом на мече Рена, затем отошёл. Работники освобождали двор; гвардейцы выводили лошадей, проверяли ремни на щитах и крепления колчанов. Я насчитал двадцать четыре воина вместе с рыцарями. Четверо должны были идти впереди, двое замыкали движение. Остальных Брант распределил вдоль повозок. При принцессе оставались он сам и ещё один рыцарь. У крытой повозки свиты поставили лучников.

— Рилан, рядом с её высочеством, — услышал я. — За поворотом не отставай.

Светловолосый гвардеец поправил ремень ножен и подвёл коня.

Брант остановился возле Элианы.

— Дорожный набор при вас?

Она коснулась плоского кожаного подсумка на поясе.

— Здесь. Нерис проверила.

Рыцарь кивнул и вернулся к воротам.

До отъезда я успел зайти к Мейре. Она стояла у весов, дожидаясь расчёта за последний мешок. На приветствие ответила не сразу: работник называл сумму, она сверяла её с записью. Закончив, повернулась ко мне.

— Взяли?

— Помощником на осмотр дороги. За несколько дней заработаю местных денег.

Мейра устало улыбнулась. Под глазами лежали тени; я вспомнил, как вчера она смотрела вслед белому плащу. При окрике у ворот она сразу подняла голову. Убедилась, что зовут работников, и снова посмотрела на меня.

— Рену расскажу. Он будет спрашивать.

— Передай ему спасибо ещё раз. И тебе спасибо за всё.

Она протянула свёрток с хлебом. Я начал было говорить о долге, но Мейра покачала головой.

— Не торопись. Сначала устройся. Будешь в Лаэре, заходи к нам.

Сказала это просто, расправляя край ткани. От хлеба пахло коркой. Я вспомнил официанта, уносившего с террасы лишний бокал. Здесь меня знали всего несколько дней, а я уже получил меч для дороги, ночлег и еду с собой.

— Зайду.

Я подал ей руку. Она сжала мои пальцы, осторожно обходя повязку, и отпустила. Сайлас уже звал меня к повозке.

Мне досталось место среди досок, железных скоб и свёрнутых верёвок. Пока я устраивался, мимо прошёл Даллен. Указал на оплетённый кувшин под сиденьем.

— Вода здесь. Пробку крепче ставь, на ухабах вылетает.

Он поправил крепление и вернулся к своей лошади. Его повозка с мукой пошла первой; следом везли ткань, одеяла и лекарства. Я ехал на третьей, среди инструментов, досок и верёвок. За нами шла крытая повозка свиты. Сайлас держался верхом рядом, то опережая нас, то задерживаясь возле тех, кто правил лошадьми.

Элиана ехала недалеко от первой повозки. Плащ она свернула за седлом. На узких участках пропускала груз и догоняла Бранта. Во время остановок к ней подходили распорядитель и командир охраны; она выслушивала доклады, уточняла, сколько пути осталось. Пока ждали отставшую повозку, разминала пальцы и затёкшие плечи; с первым скрипом колёс снова бралась за поводья.

За изгородями тянулись сады. Широкие листья с алыми прожилками свешивались к дороге, и лошади тянулись к ним на ходу. На каменных ступенях сушили разрезанные плоды. Из дворов пахло горячим маслом и печёным тестом. Хотелось сойти, завернуть в открытую калитку, сесть в тени и поесть без спешки. Я успевал заметить стол, чашку на подоконнике, мокрый след от ведра на пороге, а повозка уже увозила меня дальше.

Из домов выходили на звук копыт. Узнав королевский знак, взрослые опускались на одно колено; родители останавливали детей, показывали, как приветствовать наследницу. Элиана склоняла голову в ответ, жестом приглашала подняться. Во время остановок к ней подходили уже после приветствия, с поклоном и обращением. Услышав об Орнеле, начинали расспрашивать о родственниках. Одна эльфийка шла рядом с нами, прижимая к груди мокрое полотенце. Даллен ответил, что везёт муку и не знает, кто именно добрался с границы. Она остановилась. Я обернулся: полотенце всё ещё было у неё в руках.

Дети бежали следом до края селения. Брант велел всаднику отвести их обратно, дождался, пока последний ребёнок уйдёт с дороги, и только тогда догнал Элиану.

Потом поля отступили, под колёсами появился мелкий серый камень. У развилки Сайлас остановил нашу повозку и показал на провалившуюся обочину.

— Здесь начнём. Нужно понять, сколько дороги осталось для проезда.

Я соскрёб сухую корку земли. Под ней пальцы сразу стали мокрыми; маленький камень оторвался и исчез в промоине. Ниже из-под дорожной насыпи вымывало глину. Сверху повреждение казалось узким, но пустота уходила далеко под колею.

Мы проверили ещё несколько мест. Я натянул шнур между устойчивыми участками и отметил ширину опасной полосы. Сайлас придавил землю каблуком возле последней отметки. Она подалась.

Сайлас указал на камень дальше от промоины.

— Отсюда отмечай. Вода придёт снова, край уйдёт следом.

Я перенёс отметку. Мы прикинули, куда отвести сток: ближайшая канава выходила к саду, и вода затопила бы деревья. Сайлас знал хозяев участка, собирался поговорить с ними о другом отводе. Пока он показывал границы, я заметил, что отвечаю свободнее, чем утром. Мы обсуждали работу, в которой оба разбирались и могли проверить друг друга на месте.

Элиана подошла, когда мы заканчивали. Я поднял ладонь, указывая на камень у края.

— Ваше высочество, здесь подмыто. Пожалуйста, останьтесь у этого камня.

Она посмотрела на сухую землю перед носком сапога и переступила туда, куда я показал.

— Когда сможете укрепить?

— Довезём груз, найму работников в Орнеле, — ответил Сайлас. — Пока проходить по одному, ближе к склону. Место для этого есть.

Элиана посмотрела на оставшуюся полосу дороги.

— Те, кто поедет за нами, должны узнать об этом заранее.

Брант отправил всадника в ближайшее селение предупредить остальных. Мы уложили вдоль повреждения несколько крупных камней. Когда стражник догнал нас, снова тронулись все вместе.

За развилкой дорога шла под деревьями. Между стволами открывались луга и белые стены домов. У одного крыльца ещё висело забытое бельё; окна были заколочены, у калитки пробивалась трава. Сайлас придержал коня, посмотрел на двор и молча поехал дальше.

Я уже видел на карте отметки разорённых селений. Здесь трава росла через порог, а ветер хлопал пустым рукавом рубашки. Хотелось спросить, успели ли уйти хозяева. Мастер смотрел перед собой, и я отложил вопрос.

К сторожевому посту у Каменного лога добрались к вечеру. За деревянной стеной темнели крыши, у ворот стояли копейщики. Брант въехал первым, поговорил с начальником поста и дождался, пока осмотрят приготовленный для свиты дом. Лишь затем пропустил внутрь принцессу. Начальник поста и свободные от караула воины встретили её на одном колене. Она приняла приветствие, велела подняться и поблагодарила за приготовленный ночлег.

Во дворе стало тесно от прибывших и лошадей. Гвардейцы принимали караул у ворот и на стене, разгружали корм, не снимая оружия. Крытую повозку поставили возле дома. Распорядитель проверил комнаты; леди Нерис, как назвала её Элиана, увела служанок наверх. Врач остался у входа и попросил принести горячую воду.

Сайлас отвёл нас к навесу. Доски на нашей повозке стянули заново, лошадям растёрли спины. Я помог Даллену поставить кувшины возле бочки. Мука должна была провести ночь под сухой крышей; он долго проверял, не течёт ли над мешками.

— До Орнеля завтра дойдём? — спросил я.

— Если ничего не случится. Здесь половина пути. Утром поедем раньше, чтобы успеть до закрытия ворот.

Я оглянулся на дорогу за стеной. Из Тальвена мы выехали в первой половине дня, несколько раз останавливались, и теперь руки помнили каждый толчок повозки. Между мной и городом, где осталась Мейра, лежал целый день. Впереди был ещё один.

Нам дали суп и хлеб. Я сел у повозки, вытянул ноги. Ладонь саднила: перевязку пришлось сменить. Сайлас заметил свежую ткань, но только отодвинул от меня ведро, за которым я потянулся.

— Даллен донесёт. Садись с записями.

Мы перенесли отметки с воска на бумагу. Мастер развернул старый план, который ему прислали из королевского хранилища. Сравнил повреждённый участок с нарисованной канавой и записал, что нужно проверить на обратном пути.

Я дождался, пока он закончит.

— Саэр дал мне ссылку на книгу. Я ищу старые записи о Верхней переправе. Подскажешь, как её найти?

— Покажи ссылку.

На чистом листе я записал по памяти название и номер страницы. Копию с изображением Ключа оставил в сумке. Сайлас прочёл и убрал записку к карте.

— Я заказываю там дорожные планы. Спрошу хранителя, есть ли у них эта книга. Напишу, как вернёмся в Тальвен.

— Спасибо.

Он убрал листы, прежде чем к нам подошёл распорядитель. Тому требовались сведения о завтрашнем переходе. Сайлас поднялся и пошёл с ним к дому.

Я остался у повозки. Вверху по стене прошёл караульный; наконечник копья на мгновение вышел на свет. За воротами приближались всадники. Брант сам вышел встретить их, слушал, не перебивая. Одного отправил к начальнику заставы, другого повёл к дому, где разместили Элиану.

До моего места долетало немногое: следов большого отряда не нашли, переправа цела, на подходе к Орнелю стоит местный патруль. Рыцарь переспросил о времени, когда разведчики прошли последний участок. Получив ответ, ненадолго задумался, затем отпустил разведчика есть.

Элиана вышла, когда я складывал инструменты. Поверх лёгких доспехов на ней был застёгнут плащ, коса убрана со спины вперёд. Брант остановился у двери. Леди Нерис несла свёрнутую ткань, разговаривая с врачом.

Я встал, когда принцесса подошла к навесу. Она остановила меня движением ладони прежде, чем я успел преклонить колено.

— Садитесь, Леон. Мы уже приветствовали друг друга. Вы закончили работу?

— Да, ваше высочество.

— Нашли, как починить тот участок?

— Сначала нужно отвести воду. Господин Сайлас поговорит с хозяевами сада. Если пустить её по старой канаве, затопит деревья.

Я сел только после её приглашения. Она заняла другой край пустой скамьи. Между нами остались дощечка и сложенный шнур.

— Из Орнеля писали, что дорога ещё выдержит весну.

— До следующего сильного дождя может выдержать. Под краем уже пусто.

Она взглянула на мою ладонь.

— И вы туда полезли проверять?

— Лёгкие камни удавалось вынимать рукой. Этого хватило.

Уголок её рта дрогнул.

— Сайлас обычно сердится, когда ему отвечают, что всё проверили с берега.

— Он сам выбирал, откуда мерить.

Теперь она улыбнулась. Я поймал себя на том, что ждал этой улыбки после утреннего разговора у карты. Вблизи холодный оттенок её волос особенно выделялся на тёмной шерсти плаща.

Со стены окликнули Бранта. Он выслушал караульного, ответил, не отходя далеко от двери. Элиана сразу повернула голову на голос.

— Ваше высочество, сэр Брант давно вас сопровождает? — спросил я.

Она снова посмотрела на меня.

— Давно. Он присягнул защищать меня. И спорит со мной чаще всех остальных.

В голосе прозвучало тепло. Она провела пальцем по краю скамьи.

— Я слышала, о чём он предупреждал утром. Упрямой поездкой ему не поможешь. Но мне нужно понимать, что происходит в Орнеле. По письмам всё выглядит так, будто достаточно прислать ещё несколько мешков.

Она посмотрела на повозки, затем поднялась. Брант уже ждал, пока к ней подойдёт распорядитель.

— Доброй ночи, Леон.

Я поднялся, склонил голову.

— Доброй ночи, ваше высочество.

Я смотрел, как она возвращается к дому. У дверей ей уступили дорогу; рыцарь остался снаружи, пока служанка не закрыла ставню.

Для работников отвели место под навесом, где лежали сухие доски и связки сена. Я снял сумку только после того, как выбрал угол возле стены. Ключ проверил под курткой, прикрыв ладонью от чужих глаз. Камень был холодным, трещина не изменилась. Футляр и отдельный осколок оставались на месте.

Где-то в королевском хранилище могла лежать книга, которую я искал. Сайлас обещал спросить. Мне хотелось большего, но впервые мне обещал помочь тот, кто действительно обращался в хранилище. Я убрал предмет, лёг на сложенный плащ и некоторое время слушал шаги караула.

***

На второй день выехали до того, как двор успел прогреться. У ворот менялись часовые, лошадей вели мимо корыт по одной. Брант дождался возвращения разведчиков, проверил, все ли готовы, и сам подъехал к Элиане.

— До Орнеля идём прежним порядком. У переправы остановимся только после проверки.

Она кивнула. Леди Нерис заняла место в крытой повозке, распорядитель поехал возле неё. Сайлас проверил груз и махнул мне от первой повозки.

Я уселся между досками, спрятал ладони в рукава. Холод пробирался через складки куртки. Даллен, проходя мимо, передал мне кувшин, подождал, пока я попью, потом попросил проверить верёвку на заднем борту. За ночь она ослабла.

Дорога поднималась через лес. С верхнего изгиба я увидел, как далеко растянулись повозки и всадники. Передние уже скрылись за деревьями; замыкающие ещё выходили на склон. Между ними двигалась серая лошадь Элианы, возле неё — Брант и Рилан. На каждом повороте один из гвардейцев оставался ждать последнюю повозку, прежде чем ехать следом.

После полудня деревья отступили. За рекой открылись пологие холмы с белыми скалами. По траве ползли широкие полосы тени, а вершины светились, будто снег на них ещё не стаял. На дальнем склоне темнели ступени старых террас. По белому камню стекала вода.

Мы остановились у каменной переправы. Разведчики проверили дальний берег, двое лучников заняли место у перил. Сайлас попросил меня посмотреть трещину в опоре. Я спу-

стился к воде по ступеням, не снимая сумки. Из-под мха сочилась прозрачная струйка; ниже кладка держалась, камни не сдвигались под нажимом.

Когда поднялся, Элиана стояла возле Бранта и смотрела на террасы.

— Там ещё живут? — спросил я у Сайласа.

— Выше есть дворы. Нижние оставили после разлива.

Элиана услышала и повернулась.

— Прежде воду отводили по всему склону. Весной он был белым от цветов.

Она говорила, глядя через реку. Я попытался представить белые ступени среди цветущих деревьев. Далеко внизу на воде блестели два светлых пятна, чуть дрожавшие на течении.

— Вы там бывали, ваше высочество?

— Один раз. Давно. Тогда проезд ещё был открыт.

Брант подвёл ей лошадь. Она задержалась у перил на несколько мгновений, потом поблагодарила и взялась за поводья. Я вернулся к повозке; с дороги террасы оставались видны ещё долго.

Ближе к вечеру пошли поля. У некоторых дворов заборы были разобраны на дрова; на крышах лежала свежая солома вперемежку со старой. Нам встречались семьи с узлами. Путники узнавали королевские знаки, останавливались, опускались на одно колено. Элиана отвечала на приветствия. У развилки она придержала лошадь, попросила пожилого эльфа подняться и выслушала его вопрос о месте в Орнеле. Распорядитель записал его имя и отправил с ним работника к ближайшему дому. Принцесса дождалась, пока им откроют ворота, и только затем тронулась дальше.

К Орнелю подошли, когда тени домов уже пересекли дорогу. Двое гвардейцев ускакали к воротам раньше нас. Над деревянной стеной стояли невысокие башни, за ними поднималась крыша большого каменного дома. Слева за оградой теснились навесы, под которыми ждали жители с корзинами и пустыми мешками.

У въезда остановились. Брант выслушал городского начальника, потребовал убрать встречающих с проезда и пропустил вперёд лучников. Только после этого Элиана въехала под ворота. Встречавший эльф в тёмной одежде со знаком дома Арвель опустился на колено. За ним преклонили колени горожане, собравшиеся у въезда. Принцесса остановила лошадь, приняла приветствие и разрешила подняться. Караульные у створок отсалютовали, продолжая держать проезд свободным для повозок.

Рыцарь велел отправить к Каменному логу известие о благополучном прибытии. Начальник караула подозвал городского посыльного. Пока у ворот разбирали встречные повозки и освобождали дорогу грузу, тот получил письмо и выехал обратно в сторону Тальвена.

— Ваше высочество, комнаты приготовлены, — сказал встречавший эльф.

— Сначала покажите, где разместили прибывших с границы. И позовите наместника.

Тот взглянул на Бранта. Рыцарь уже отправлял гвардейцев к каменному дому.

— Встречу проведёте во дворе наместника, — сказал он Элиане. — Я его проверю. Груз разгрузят под охраной.

Она посмотрела на жителей, ожидавших за воротами, потом согласилась.

Сайлас повёл нас к складу у реки. Улица спускалась мимо кузницы и нескольких лавок; жители выходили к порогам. При виде наследницы опускались на одно колено, затем поднимались по её знаку и провожали повозки взглядом. Даллен приподнялся, выбирая место между камнями. Под колесом хрустнула щепка, с крыши на мешки упала сухая солома.

Возле склада нашлось два въезда. Большой выходил на площадь; ниже между домами шла узкая дорожка к реке. У воды я заметил низкие ворота и ступени, почти скрытые навесом. Сайлас спросил у смотрителя, можно ли провести там повозку.

— Только пустую. И то после того, как поправим настил.

Мастер посмотрел на меня.

— Утром измерим. Если этот проезд выдержит груз, не придётся каждый раз обходить площадь.

Я кивнул, запоминая, откуда виден настил. Двое гвардейцев уже прошли к нижним воротам; один проверил запор и вернулся к Бранту.

Разгрузку начали с муки. Я подал Даллену конец доски, по которой собирались спускать мешки. Бок отозвался болью, пришлось сменить руку. Сайлас заметил и велел держать свободный край, пока другой работник закреплял опору.

Через открытые ворота двора я видел, как Элиана разговаривает с наместником. Рядом стояли распорядитель и леди Нерис; у входа Брант давал указания городскому караулу. Наместник встретил её на колене; поднялся, когда она обратилась к нему с вопросом. Теперь принцесса слушала жителей, уже приняв их приветствие, и несколько раз возвращала наместника к их ответам. Когда тот указал на наш склад, она посмотрела в нашу сторону.

Я поймал её взгляд, склонил голову и показал на доставленный груз. Она едва заметно кивнула. Затем к ней подошла женщина с ребёнком, и Элиана наклонилась, чтобы расслышать.

Первый удар колокола пришёл с надвратной башни.

Даллен замер с верёвкой в руках. Сайлас повернулся к воротам. Второй удар прозвучал почти сразу, за ним третий; на улице закричали, кто-то опрокинул пустую корзину.

Брант оказался возле Элианы прежде, чем наместник успел закончить фразу. Рилан подвёл к ней лошадь, рыцарь поднял руку, собирая гвардейцев.

За деревянной стеной что-то тяжело затрещало. На башне подняли сигнальный флаг.

Я положил доску на землю и подтянул сумку выше на спину. Сайлас отступил от повозки, освобождая проход. Над крышами закричали:

— Зейры! К восточным воротам!

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.